

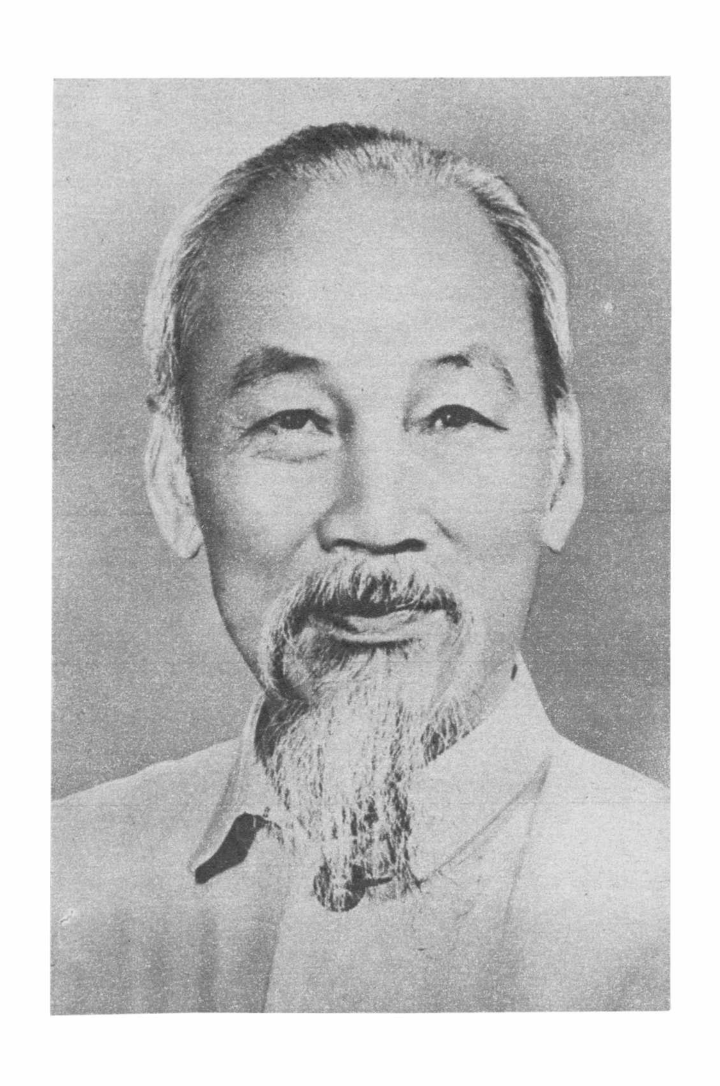

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!

NƯỚC VIỆT-NAM DÂN CHỦ CỘNG HÒA TRÒN 30 TUỔI

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (2512)

30 АВГУСТА 1975

Опыт Октября, достижения Советского государства являются для нас путеводной звездой в борьбе за счастливую жизнь народов Вьетнама.

ХО ШИ МИН

Великая дружба и тесная боевая сплоченность между Вьетнамом и Советским Союзом, закаленные в ходе длительной борьбы, являются ценнейшим сокровищем народов наших стран. Вьетнамские коммунисты и вьетнамский народ полны решимости быть достойными вашего доверия, полны решимости выполнить свой славный интернациональный долг по отношению к Советскому Союзу, полны решимости отдать все силы делу дальнейшего укрепления дружбы и сплоченности между нашими партиями, правительствами и народами с тем, чтобы эта дружба и эта сплоченность были всегда прочными и цветущими, как наши страны.

ЛЕ ЗУАН, Первый секретарь Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама

С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК ПТВ, Премьер-Министр правительства ДРВ Фам Ван Донг.

Фото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС).

Москва. Июль 1973 года.

Вместе с вами, дорогие друзья, мы радуемся тем поистине замечательным успехам, которых под руководством своего испытанного авангарда – Партии трудящихся Вьетнама – добились трудящиеся ДРВ в канун славного 30-летия своей республики в деле развертывания социалистического строительства.

Л. И. БРЕЖНЕВ

ВЬЕТНАМСКИЕ ДРУЗЬЯ !

ПОД ЗНАМЕНЕМ СОЦИАЛИЗМА

Достижения румынского народа в строительстве социалистического общества — тема национальной выставки «Румыния сегодня», открывшейся 22 августа в Москве, на ВДНХ СССР.

На торжественном открытии выставки были товарищи А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. С. Полянский, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев и другие.

В церемонии открытия приняла участие прибывшая в Москву правительственная делегация Социалистической Республики Румынии во главе с членом Политисполкома ЦК РКП, премьер-министром правительства СРР М. Мэнеску.

22 августа в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с членом Политисполкома ЦК РКП, премьер-министром правительства СРР М. Мэнеску.

Во время беседы, прошедшей в дружественной обстановке, состоялся обмен информацией о ходе выполнения пятилетних планов развития народного хозяйства Советского Союза и Социалистической Республики Румынии. Были обсуждены актуальные вопросы развития советско-румынского сотрудничества в области координации народнохозяйственных планов на предстоящее пятилетие и осуществления Комплексной программы социалистической экономической интеграции, а также другие вопросы, представляющие взаимный интерес.

Во время осмотра выставки.
Фото А. Гостева

●

В тот же день на ВДНХ СССР состоялось открытие Международной выставки «Книга-75», проходящей под девизом «Книга на службе мира и прогресса». На открытии выставки присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, руководители ряда министерств и ведомств, ответственные сотрудники ЦК КПСС и Совета Министров СССР. К собравшимся обратился председатель оргкомитета выставки, председатель Госкомиздата СССР Б. И. Стукалин. Под бурные, продолжительные аплодисменты было зачитано приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева участникам и гостям Международной книжной выставки.

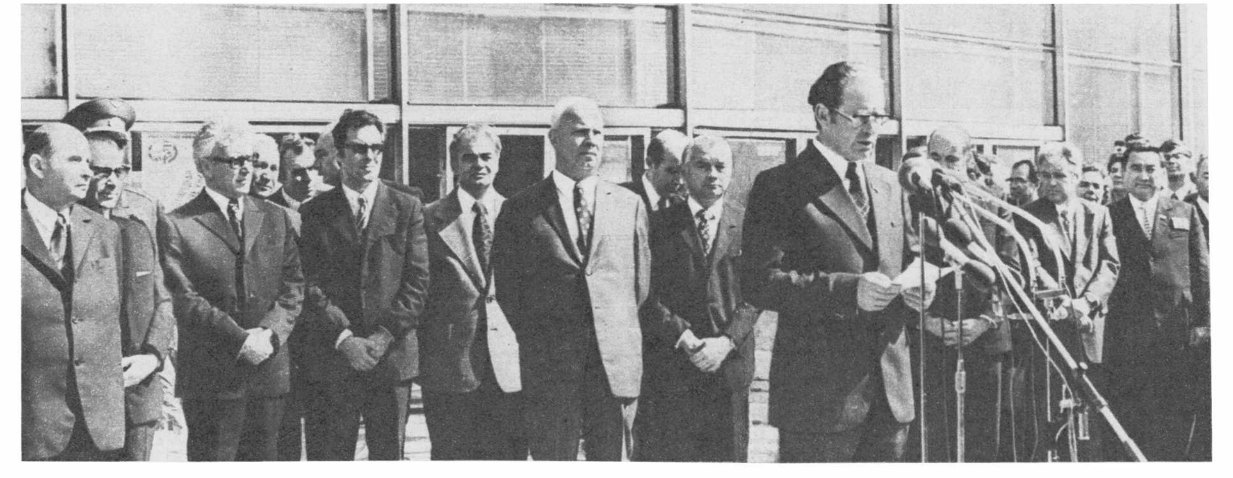

Фото А. Гостева

ГОВОРЯТ ГОСТИ ВЫСТАВКИ

Херлуф БИДСТРУП,
художник,
Дания

— Международная книжная экспозиция производит очень большое впечатление — и солидностью подготовки и размахом. Многие страны оформили прекрасные стенды, однако положение члена жюри, каковым я являюсь, обязывает к сдержанности, и потому не ждите пока детальных оценок. Во всяком случае, эта выставка по-настоящему внушительна, она еще один крупный шаг по пути разрядки и международного сотрудничества. Что касается личных интересов, то меня особенно привлекают книги по искусству, альбомы, книжная графика.

Отто ГОТЧЕ,
писатель и общественный деятель,
ГДР

— После осмотра советского раздела выставки убеждаешься вновь, что речь идет о стране, где любят книгу, почитают ее. Видно, что такими же быстрыми темпами развивается социалистическая литература и других братских стран. Меня, как писателя, особенно радует отсутствие нивелировки, разнообразие и многообразие литератур как национальных республик Советского Союза, так и национальностей стран социализма. Две приметы особенно резко запоминаются. Во-первых, рост изданий в разных странах марксистско-ленинской литературы. Второе явление — выросла представительность литературы. Даже на книгах классиков художественного слова видны, с одной стороны, уважение к традициям, а с другой — современный уровень духовного развития общества (включая сюда и качество — отличное полиграфическое исполнение).

Впервые в СССР я приехал в 1927 году. Тогда же познакомился с К. Фединым, А. Серафимовичем, А. Фадеевым. Меня всегда интересует современная советская литература, я слежу за творчеством М. Шолохова, Ю. Бондарева и других писателей. Здесь, на выставке, я отдаю дань и своему увлечению — знакомству с новыми произведениями о Великой Отечественной войне.

Абдурахман Ахмед ЭЛЬДЖААЛИ,
сотрудник министерства культуры,
руководитель делегации,
Судан

— Я повидал немало книжных выставок и ярмарок, но эта превзошла все увиденное. Она очень хорошо организована. У нас хорошие возможности для контактов с деятелями книгоиздательства различных стран, включая деловые встречи. Есть у нас возможность показать и прогресс в национальной полиграфии и книжном деле. Хорошие отношения сложились между нашими организациями и вашим В/О «Международная книга», рядом московских издательств. Для нас все интересно здесь: и книги по народному образованию и политическая литература, нам дорог опыт социалистического строительства, и мы надеемся обогатить его. И еще: прекрасно, что детские книги в СССР, ГДР, Венгрии и других странах социализма не только и не просто развлекают ребенка, но и учат его познанию мира.

С. Л. ПИЛЛЕ,
представитель книгоиздательства
«Пиплс Паблишинг Хаус»,
Индия

— Нам нравится четкая организация и хорошее размещение выставки. Нравится, что здесь представлены книги не просто по всем отраслям знаний, а по любой теме. То, что я успел увидеть, запоминается надолго. Очень интересна продукция издательств «Аврора», «Мир», Политиздат, «Прогресс». Хорошо, что книги в СССР издаются практически на всех языках мира, но есть одно пожелание: больше популярных изданий на английском. Это нам намного облегчает продвижение книги к покупателю в наших странах.

navstrechu

навстречу
XXV съезду
КПСС

«МОСКВИЧЕЙ» СТАНЕТ БОЛЬШЕ!

Фото А. Семеляка

Опираясь на опыт и инициативу передовиков, придать социалистическому соревнованию в честь XXV съезда КПСС всенародный размах, вовлечь в него всех рабочих, колхозников, инженерно-технических работников...

Из постановления ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС».

Проходная ордена Трудового Красного Знамени автомобильного завода имени Ленинского комсомола. Плакаты, призывы трудовыми успехами встретить XXV съезд КПСС. А у входа в цех шасси № 1 красное полотнище, на котором несколько необычное обращение ко всем рабочим завода: «Темп 1976 года — с 1 сентября!»

Оказывается, именно с такой инициативой выступила бригада Виктора Чернова. Я отправился на участок полуосей, где работает бригада, познакомился с Виктором и попросил рассказать, в чем суть их инициативы. Виктор посмотрел на часы, улыбнулся и сказал:

— Сейчас услышите.

Через несколько минут на весь цех зазвучал усиленный динамиками голос бригадира: началась передача внутризаводского радио. Виктор говорил о том, с каким энтузиазмом встретила бригада постановление ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС», и о том, что ребята включились в соревнование за право называться бригадой имени XXV съезда КПСС и добиться звания «Участок высокой культуры производства».

— Мы знаем, — сказал Виктор, — что десятая пятилетка будет пятилеткой качества, и это предъявляет к нашей продукции еще более высокие требования. Мы обязуемся девяносто шесть процентов изделий сдавать с первого предъявления и снизить потери от брака. Кроме того, мы решили с первого сентября перейти на темп 1976 года. Наша бригада призывает весь коллектив завода изыскать дополнительные резервы и тоже с первого сентября перейти на темп 1976 года.

А вскоре в цех шасси пришел директор завода В. П. Коломников. Я попросил его прокомментировать инициативу бригады В. Чернова.

— Прежде всего замечу, — сказал В. П. Коломников, — что это одна из самых молодых бригад завода. Мне особенно приятно, что с таким важным предложением выступила молодежь. Завод обязался уже в первом году новой пятилетки довести выпуск автомобилей до 180 тысяч — на десять тысяч больше плана. Кроме того, мы обещали ко дню открытия съезда полностью перейти на выпуск новых моделей «Москвичей». Эти обязательства — серьезный экзамен для всего коллектива. Перейти на новые модели, не останавливая производства, да еще резко увеличить их выпуск не простое дело. А бригада Виктора Чернова уже сейчас решила взять темп будущего года. Это значит, что без увеличения числа работающих и дополнительных затрат бригада будет работать, исходя из обязательств на 1976 год. Если их примеру последуют все бригады, цеха и участки — проблема будет решена. Именно поэтому партком, завком и дирекция с большим вниманием отнеслись к этой инициативе. Мы призвали всех тружеников пересмотреть свои социалистические обязательства и изыскать дополнительные резервы для практического решения задач, выдвинутых в Обращении ЦК КПСС к партии, к советскому народу, в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева по вопросам экономической политики партии. Я уверен, что свои обязательства коллектив нашего завода выполнит, а это значит, что «Москвичей» страна получит больше!

Б. СОПЕЛЬНЯК

Виктор Чернов (справа) с рабочими своей бригады А. Дивисенко и В. Звягинцевой.

Фото автора

ПЛЮС ВОЕННАЯ РАЗРЯДКА

Альберт ГРИГОРЬЯНЦ

Перелистывая тексты речей, прозвучавших в беломраморном дворце «Финляндия» в исторические дни общеевропейского совещания, вновь и вновь отмечаешь поразительное единодушие ораторов в области, в которой до сих пор такое единодушие вообще не было возможным, а именно военной разрядки. Форум Европы успешно завершен. Как сказал Леонид Ильич Брежнев, «Мощный импульс, который дан этой встречей руководителей 35 государств — участников совещания, призван помочь всем в Европе и вне ее жить в мире». Главное теперь — претворить в живую реальность провозглашенные совещанием принципы и договоренности, внедрить их в практику и сделать их законом международной жизни.

Каждый здравомыслящий человек понимает, что невозможно долгое время совмещать развитие международной разрядки и постоянное увеличение военных потенциалов государств, совершенствование и накопление оружия. Весь ход событий ставит, таким образом, человечество перед необходимостью решить кардинальную проблему современности — дополнить политическую разрядку военной разрядкой. Вот почему все, кто брал слово в зале «Финляндия», говорили о разоружении как о важнейшей задаче будущего.

Рассмотрев итоги общеевропейского форума, Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР подчеркнули, что «Важнейшие требования нашего времени — добиваться сокращения, затем и прекращения гонки вооружений, продвигаться по пути, ведущему к всеобщему и полному разоружению; уменьшать военное противостояние на европейской земле, вести дело к преодолению разделения Европы на противостоящие военные блоки».

За последние годы благодаря настойчивости и доброй воле Советского Союза и других социалистических государств в разрешении этих насущных вопросов произошел заметный сдвиг. Достаточно только назвать советско-американские соглашения об ограничении стратегических вооружений и готовящееся сейчас новое соглашение по этому вопросу, венские переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, подготовку к Всемирной конференции по разоружению, работу Женевского комитета, в котором сейчас обсуждается вопрос о создании безъядерных зон, а на днях Советский Союз и США представили проект конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду.

Но, к сожалению, нельзя сказать, что с наращиванием вооружений покончено. Опасность возрастает в связи с тем, что научно-технический прогресс создал материальную базу для качественного скачка в конструировании еще более разрушительных средств ведения войны — от гигантских сверхзвуковых бомбардировщиков до экологического оружия. Но несомненно и другое — глубокие позитивные перемены на международной арене, происходящие под воздействием миролюбивого курса СССР, всего социалистического содружества, создают политическую базу для предотвращения чрезвычайно опасного витка в спирали гонки вооружений. И весьма символично, что именно Советский Союз выступил в столь ответственный момент с новой инициативой.

В речи перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы Л. И. Брежнев остановился на вопросе, который с каждым днем становится все более острым и неотложным. Речь идет о том, чтобы государства — и прежде всего крупные державы — заключили соглашение о запрете создавать новые виды оружия массового уничтожения, новые системы такого оружия. «Уровень современной науки и техники таков, что возникает серьезная опасность создания еще более страшного оружия, чем даже ядерное,— сказал Л. И. Брежнев.— Разум и совесть человечества диктуют необходимость поставить неодолимую преграду на пути появления такого оружия».

Успех общеевропейского совещания укрепил уверенность всего человечества в том, что и такая трудная проблема современности, как разоружение, может быть разрешена. Хельсинки явились отправным пунктом для успешного продвижения вперед и на этом магистральном направлении. Но нельзя не видеть, что как раз здесь особенно глубоко окопались противники разрядки. Эмиссары военно-промышленного комплекса утверждают, что совещание принесло выгоды лишь Советскому Союзу, а Западу ничего не остается, кроме как наращивать свои военные усилия. В интервью газете «Ди вельт» один из лидеров западногерманского оппозиционного блока ХДС/ХСС, не моргнув глазом, заявил, что теперь, после Хельсинки, где «русские получили все, что хотели», не следует ожидать никакого прогресса на переговорах по разоружению. Зачем понадобилась столь грубая ложь? Она понадобилась для оправдания в глазах общественности разбухших военных бюджетов, новых ассигнований военным корпорациям.

Определенные органы печати и политические деятели США и других капиталистических стран прибегают к избитой терминологии времен «холодной войны», беззастенчиво запугивают общественность мифической «советской угрозой» и призывают к созданию новых систем оружия, не исключая возможности «ограниченной ядерной войны».

Круги, мыслящие категориями прошлого, хотели бы помешать процессу материализации разрядки. Сегодня их главные усилия концентрируются на том, чтобы сорвать назревшее дело разоружения. Но можно быть уверенным в том, что и этот новый поход против интересов мира потерпит неудачу. Успех Хельсинки окрылил все миролюбивые силы земного шара. Они полны решимости шаг за шагом двигаться вперед, дополнять разрядку политическую разрядкой военной, конкретными делами крепить мир и безопасность на земле.

Трудящиеся Португалии дают отпор проискам реакции. В городе Порту, на севере страны, состоялась массовая манифестация солидарности с Движением вооруженных сил. Она прошла под лозунгами укрепления народного единства.

Солдаты Движения вооруженных сил патрулируют улицы города Фамаликау, где контрреволюционные элементы совершили нападения на местное отделение Португальской компартии. Фото АП—ТАСС

НА СТРАЖЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАВОЕВАНИЙ

Напряженный момент переживает сейчас португальская революция. Нарастает противоборство между прогрессивными силами и реакцией. Сознавая опасность, нависшую над будущим страны, революционные, патриотические партии и организации борются за упрочение единства рабочего класса и трудовых масс, призывают к сплоченности Движения вооруженных сил, укреплению союза народа и ДВС.

В последнее время в стране обострились выступления реакционных сил против португальской демократической революции. Их цель состоит в том, чтобы воспрепятствовать демократическому развитию. Главный удар реакция направляет против коммунистов, против демократических сил. Правые и неофашистские элементы пытаются вызвать в стране политическую анархию и экономический хаос, провоцируют беспорядки.

Вышедшая из правительства португальская социалистическая партия взяла курс на антикоммунизм, поощряемый реакционными силами извне. Социалистическая партия, таким образом, возложила на себя тяжелую ответственность за политический кризис в стране. В различных общественных кругах усиливается критика раскольнической позиции нынешнего руководства португальской социалистической партии.

В сложной обстановке, царящей в Португалии, все отчетливее проявляется стремление революционных прогрессивных сил страны к сплочению своих рядов. Растет понимание того, что без упрочения единства демократических, подлинно патриотических сил, без крепкого союза народа и Движения вооруженных сил невозможно обеспечить успешное развитие революционного процесса и проведение в жизнь глубоких социальных преобразований.

К 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
НАД ЯПОНСКИМ МИЛИТАРИЗМОМ

ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Беседу с дважды Героем Советского Союза Маршалом Советского Союза А. М. ВАСИЛЕВСКИМ ведет специальный корреспондент «Огонька» Олег Скуратов

— Тридцать лет назад окончилась вторая мировая война. Ее решающие битвы шли на полях Европы, но завершилась она далеко на востоке. Там, у наших границ, долгие годы стояла более чем миллионная японская армия, угрожая вторжением. Скажите, Александр Михайлович, насколько реальна была для Советского Союза угроза войны на два фронта?

— Думаю, сначала надо вспомнить события предвоенных лет. Еще тогда японская армия испытывала прочность наших дальневосточных границ. Однако урок, полученный у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, несколько отрезвил японскую военщину. И она отложила на время «северный вариант», нацелив удары своей армии на юг.

Напомню, что с апреля 1941 года между нашими странами начал действовать Пакт о нейтралитете. Но генеральный штаб Японии рассматривал его лишь как удобную возможность маневра силами в азиатской войне. А намеченное вторжение в нашу страну ставилось в зависимость от успехов немецкой армии на Восточном фронте.

Перед самым нападением Германии на СССР японский министр иностранных дел Мацуока в беседе с Гитлером заявил, что никто не заставит быть Японию нейтральной, если между СССР и Германией начнется вооруженный конфликт... В начале войны на вопрос нашего посла в Токио К. Сметанина, будет ли Япония нейтральна, тот же министр ответил еще яснее: если вопрос о нейтралитете станет в противоречие с духом Тройственного пакта, он потеряет силу.

А мы помним, что означал «дух Тройственного пакта»...

После войны я прочел документ, носивший название «Кантокуэн», или «Особые маневры Квантунской армии». В нем указывались сроки вступления японских войск в Хабаровск, Владивосток, Читу. При штабе армии существовал даже отдел, ведающий оккупационным режимом на советских землях. Среди японских генералов, следивших за приближением дивизий вермахта к Волге, в то время бытовало выражение: «Не опоздать на автобус!» И к советским границам подтягивались лучшие соединения имперской армии.

В любой день могла начаться война...

— Это тревожное положение на Дальнем Востоке, очевидно, отражалось на ходе боевых действий против фашистской Германии?

— Конечно. В то время, когда наша армия вела беспримерные по масштабу и ожесточению бои фронтом на запад, мог последовать удар с востока. Приходилось держать там значительные силы, столь нужные на фронте в трудные дни сорок первого. Вспоминаю, как

во время обороны Киева Ставка не могла усилить резервами правый фланг Юго-западного фронта, что привело к тяжким последствиям — к потере Киева и значительной части войск этого фронта. Если бы Ставка перебросила под Киев хотя бы несколько свежих дивизий с Дальнего Востока, положение могло стать иным. Но Квантунская армия только и ждала момента, когда мы снимем с границы хотя бы часть войск.

— Сейчас уже можно сказать, какие силы держало Верховное Главнокомандование на Дальнем Востоке?

— Около сорока полнокровных дивизий.

— Бытует мнение, что Япония связывала свое нападение на СССР с исходом битвы под Сталинградом...

— Это верно. Хотя наступательные планы Квантунской армии реально существовали до сорок четвертого года. Наша победа под Сталинградом спутала карты японской военщины. Она поняла, что высвободившиеся после разгрома Паулюса советские армии могут в случае необходимости вступить в бой и на Дальнем Востоке. Поняла, но все-таки надеялась на благоприятный для себя поворот войны.

— Скажите, а что происходило на море? Соблюдала ли Япония нейтралитет в отношении свободного плавания наших кораблей?

— Японский флот действовал пиратски. Судите сами: с лета сорок первого года и до конца сорок четвертого он задержал 178 советских судов. А три корабля — «Ангарстрой», «Кола» и «Ильмень» — были торпедированы без предупреждения.

Вообще все действия Японии имели тогда откровенно враждебный характер. Думаю, что если бы угроза агрессии не заставляла нас держать на Дальнем Востоке крупные силы, война с немецкими захватчиками завершилась бы раньше и с меньшими жертвами.

— В годы Великой Отечественной войны вы долгое время возглавляли Генеральный штаб. Расскажите, когда началась подготовка к военным действиям наших войск на Дальнем Востоке?

Сразу после Ялтинской конференции. 11 февраля 1945 года Советское правительство заключило с союзниками соглашение, по которому обязалось начать войну против милитаристской Японии через два-три месяца после капитуляции Германии. Должен сказать, что союзники неоднократно просили нас ускорить начало кампании на Востоке. К примеру, глава военной миссии США в Москве генерал Д. Дин не раз говорил мне при встречах, что было бы желательно начать войну с Японией раньше, чем завершится война в Европе. Пришлось категорически заявить, что до полного разгрома Германии об этом не может быть и речи.

— Вы сказали, что союзники торопили Верховное Главнокомандование. Но как связать это с утверждением многих западных историков, что Америка и Англия могли заставить Японию капитулировать и без помощи СССР?

— Вопрос в том, когда они смогли бы это сделать. По данным союзной разведки, к лету сорок пятого года сухопутная армия Японии превышала семь миллионов солдат и офицеров. Территорию страны защищали 10 тысяч самолетов и 500 боевых кораблей. Как видим,

боевая мощь Японии была далеко не сломлена.

В штабах США и Англии хорошо понимали, что для вторжения на Японские острова и их завоевания необходима многомиллионная армия и по самым оптимальным расчетам полуторагодовой срок.

Напомню кстати, что первая высадка 6-й американской армии на остров Косю намечалась на ноябрь сорок пятого, а десант 8-й и 10-й армий на побережье Хонсю — только в марте сорок шестого.

Надо учитывать, что слепо преданная императору армия была готова дать решительный бой американцам на территории своей страны, в который японские милитаристы рассчитывали вовлечь все население. По признанию военного министра США Стимсона, вторжение в Японию обошлось бы американским солдатам в миллион жизней.

Эти жизни были спасены стремительным наступлением Красной Армии, разбившей всего за 24 дня оплот японских сухопутных сил — Квантунскую армию.

— Хочу задать довольно традиционный, но по-прежнему интересующий всех вопрос: какую роль в приближении конца войны сыграли атомные взрывы над Хиросимой и Нагасаки?

— Вопрос действительно традиционный. В любой книге или статье о войне с Японией, изданной на Западе, можно прочесть, что взрыв двух атомных бомб чуть не автоматически привел к концу мировой войны. Но это не так. Уверен, что применение атомных бомб не поставило последней точки в мировой войне, а скорее явилось первым шагом в «холодной войне» против Советского Союза.

Хочу заметить, что Советская Армия, располагая огромной воздушной мощью, не сбросила на японские города ни одной бомбы.

— А что представляла в военном отношении Квантунская армия?

Она являлась ударной силой императорских сухопутных войск и насчитывала более миллиона хорошо обученных, имевших боевой опыт солдат. Японцы сосредоточили в ней две трети своих танков, половину артиллерии.

Поучительные итоги Великой Отечественной войны заставили японских генералов пересмотреть свои взгляды на войну с СССР. И с 1944 года они начали перестраивать пограничные укрепления в оборонительные районы. С особой тщательностью укреплялась граница с Советским Приморьем. Здесь, а также на Сахалине и на островах Курильской гряды протянулась линия железобетонных сооружений, прикрытая хорошо организованным артиллерийским огнем.

Квантунскую армию возглавлял фанатичный офицерский корпус, руководимый опытным генералом Отодзо Ямада — фактическим правителем Маньчжурии.

В общем, предстояло воевать с сильным противником, но мы знали и его слабые стороны. Броневая защита и скорость японских танков не отвечали современным требованиям. На аэродромах Маньчжурии находилось 1 900 самолетов, в основном устаревшей марки «зеро», которые уступали нашим однотипным самолетам и в скорости и в вооружении. Пяти тысяч орудий, которыми располагала Квантунская армия, было явно недостаточно, чтобы противостоять современной, отлично вооруженной и имевшей огромный боевой опыт Советской Армии.

Мечтавшая о легком походе в нашу страну японская армия теперь оказалась лицом к лицу с грозной силой.

К началу августа полтора миллиона закаленных в боях воинов, двадцать шесть тысяч орудий и минометов, пять с половиной тысяч танков и около трех с половиной тысяч боевых самолетов ждали сигнала начать последний освободительный поход второй мировой войны.

Необычайно высок был морально-боевой дух нашей армии. Этому способствовала политическая работа, проводившаяся непосредственно в подразделениях. Свыше 800 тысяч воинов, которым предстояло завершить вторую мировую войну, являлись коммунистами и комсомольцами, они готовы были идти первыми в бой и вести за собой наступающие войска.

— Во время Отечественной войны Ставка координировала действия фронтов через своих представителей. Была ли такая необходимость на Дальнем Востоке?

— Здесь вопрос координации стоял особенно остро. Рубежи трех дальневосточных фронтов растянулись на пять тысяч километров. Даже на советско-германском фронте не было такой протяженной боевой линии. Но еще предстояло увязать наступление сухопутных войск с операциями Тихоокеанского флота и Краснознаменной Амурской речной флотилии.

Удаленность наших войск от главных политических и экономических центров страны еще более увеличивала трудности управления. Поэтому Ставка создала промежуточное звено: Главное Командование советских войск на Дальнем Востоке.

Возглавить это Командование поручили мне, членом Военного совета стал генерал-лейтенант И. В. Шикин, начальником штаба — генерал-полковник С. П. Иванов.

— Очевидно, Япония предвидела наступление советских войск, но все же удар нашей армии оказался для врага неожиданным. Как удалось этого достигнуть?

— Думаю, что война с Советским Союзом стратегически не явилась неожиданностью для Квантунской армии. Но японские генералы прозевали начало войны. Умелая маскировка передвижения советских войск, а также имитация оборонительных работ на границе заставили штаб Ямады неверно оценить обстановку. Японское командование уверилось, что переброска необходимых нам сил завершится не ранее октября, и к этому сроку рассчитывало подтянуть в Маньчжурию соединения из Центрального Китая.

Для достижения внезапности в расположении прибывших войск исключалась всякая радиосвязь. Запрещались даже письменные распоряжения — их отдавали устно. И, конечно, мы не хотели насторожить противника появлением на Дальнем Востоке целого ряда военачальников, командовавших в годы Отечественной войны фронтами и армиями. Поэтому многие направлялись туда со «значительным понижением в звании». Менялись и фамилии. Такая, в общем, элементарная предосторожность дала хорошие результаты, но иной раз случались и курьезы...

Приведу строки из воспоминаний маршала К. А. Мерецкова, возглавлявшего в то время 1-й Дальневосточный фронт:

«...Во время моей встречи в Хабаровске с М. А. Пуркаевым этот старый сослуживец, отлично знавший, кем я был, увидев на мне погоны генерал-полковника и показав на них, сочувственно спросил: «Кирилл Афанасьевич, что случилось?» Я усмехнулся, ответив, что все, дескать, бывает на свете, и раскрыл удостоверение за подписью Верховного Главнокомандующего. Из документа вытекало, что перед Пуркаевым стоит Максимов. Тут генерал, конечно, догадался о происходящем и потом уже ни о чем не спрашивал, тем более что вскоре встретился с командующим Забайкальским фронтом генерал-полковником Морозовым (маршалом Р. Я. Малиновским)... и, наконец, с заместителем наркома обороны генерал-полковником Васильевым (маршалом А. М. Василевским)».

— Вы принимали непосредственное участие в разработке стратегического плана кампании. Расскажите, пожалуйста, как рождался его основной замысел?

— Этот план — труд многих людей, а не нескольких военачальников, как принято иногда думать. Работали Генштаб, Ставка, командование фронтов и армий... Я имею в виду детальную разработку плана, ведь, кроме организации небывалой (по масштабам и срокам) переброски войск из Европы в Приморье и Монголию, приходилось решать множество самых неожиданных вопросов.

— Например, как отыскать в пустыне Гоби воду для войск?

— Да, решали и это. Или, скажем, где найти в степи дрова для полевых кухонь? Кажется, мелочи. Но и от них зависел успех.

Но вернемся к главному стратегическому плану. При первом взгляде на карту Маньчжурии рождалось решение наступать с трех сторон, сдавливая и постепенно окружая японские войска. Но тактика «удава» не гарантировала быстрой победы. Квантунская армия могла отойти к югу и укрыться в Корее. Это привело бы к затяжке войны. После обмена мнениями Ставка и Главнокомандование советских войск на Дальнем Востоке приняли решение: окружить вражеские войска, одновременно рассекая их на несколько частей. По этому замыслу Забайкальский и 1-й Дальневосточный фронты наносили два встречных удара. Наступая из Приморья и от границ Монголии, эти фронты должны были соединиться в центре Маньчжурии. Вспомогательный удар с севера проводил 2-й Дальневосточный фронт.

Готовились грандиозные стратегические «Канны» для всей группировки японских войск. На полный разгром отводилось 20—23 суток. Столь высокий темп операции вел к быстрейшему окончанию мировой войны, сохранял сотни тысяч жизней...

— Как же началась война?

— Восьмого августа японского посла Сато пригласили в МИД, где ему вручили текст Заявления Советского правительства. В нем говорилось, что со следующего дня Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. В Заявлении подчеркивалось, что Япония, отклонив Потсдамскую декларацию о капитуляции, осталась единственной державой, стоящей за продолжение войны.

«Советское правительство,— говорилось в Заявлении,— считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции».

9 августа войска Советской Армии, верные союзническому долгу и полные решимости разгромить агрессора, перешли в наступление.

В правительственных кругах Японии эти события вызвали настоящую панику. В тот же день на заседании высшего совета по руководству войной японский премьер Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение».

— А как оценивал военную обстановку штаб Квантунской армии?

— В первые часы войны весьма оптимистично. Японские генералы ожидали встретить на поле боя 40 — 50 советских дивизий, преимущественно стрелковых. Большие надежды они возлагали на пояс укрепленных районов, считая, что он станет роковой преградой для наших войск.

Рассчитывая измотать и обескровить наши войска в приграничном сражении, генерал Ямада развернул крупные силы в тыловых районах. Они предназначались для перехода в контрнаступление. Намечались удары на Хабаровск и Владивосток!

Правда, со стороны монгольской границы Квантунская армия не имела таких укреплений, как в Приморье, но их заменяли естественные крепости — пустыня Гоби и горные цепи Большого Хингана. Японское командование полностью исключало прорыв наших войск на этом направлении.

— Поскольку вы упомянули о горах Большого Хингана, прошу вас рассказать о штурме этих высот войсками Забайкальского фронта.

— Ударная группировка перешла в наступление с восточного выступа монгольской границы. И сразу же вперед выдвинулась 6-я гвардейская танковая армия. Сметая вражеские заслоны, она двумя колоннами устремилась по степи к горному хребту. Опередить противника, не дать ему укрепиться на перевалах — вот задача, которую решали танкисты. К исходу первого дня они прошли с боями 120 — 150 километров. Это был невиданный ранее темп наступления!

Весь мир следил за событиями в Маньчжурии. 11 августа Советское Информбюро сообщило: войска Забайкальского фронта форсируют горный хребет Хинган!

Первыми начали штурм высот танковые корпуса генерала А. Кравченко. Годом ранее, еще на румынской земле, танкисты совершили

подвиг, казавшийся фантастичным,— прошли через кручи Южных Карпат и как снег на голову обрушились на гитлеровские войска в Трансильвании.

Теперь гвардейцы переходили Хинган. В тридцатиградусную жару сотни танков, автомашин, тягачей упорно продвигались к перевалам. Огромные клубы пыли недвижно стояли над горными дорогами. А впереди раскатисто гремели взрывы — это саперы расчищали путь.

Еще труднее оказался спуск. Толстые тросы с трудом удерживали танки на краю обрывов. В накаленных солнцем машинах быстро высыхала вода, глохли моторы, и тогда натруженные руки солдат передавали по цепи ведра и фляги. Вслед за танкистами перешли горы армии генералов И. Людникова и И. Манагарова, а вскоре и остальные войска фронта вышли на равнину Маньчжурии.

Позже уже плененные японские генералы говорили: «Узнав, что ваши войска подходят к Хингану, мы радовались, считая, что в лучшем случае вы повернете назад, а будете упорствовать — потеряете в горах всю технику. Но когда ваши танки появились на Маньчжурской равнине, мы решили, что произошло чудо».

На правом фланге фронта наступала конно-механизированная группа советско-монгольских войск.

Впервые в истории Советской Армии регулярные войска двух стран объединились под единым командованием. Фронтовая дружба советских солдат и монгольских цириков родилась еще в годы революции, прошла через бои с бандами Унгерна, через сражения с японскими захватчиками на Халхин-Голе.

Ветераны битвы за Москву помнят, как в суровую зиму сорок первого из братской Монголии на фронт приходили эшелоны с теплыми полушубками и меховыми рукавицами, как на подступах к столице вступила в бой танковая колонна «Революционная Монголия», построенная на средства, собранные народом братской страны.

Теперь конно-механизированная группа, ведомая прославленным героем Великой Отечественной войны генерал-полковником И. А. Плиевым, громила давнего врага — Квантунскую армию. Заместителем командующего был генерал-лейтенант Ж. Лхагвасурэн. Политическое руководство войсками осуществлял генерал-лейтенант Ю. Цеденбал.

В первые дни наступления конники и танкисты Плиева прошли по раскаленным пескам сотни километров. Встреченные на караванных тропах колодцы оказались отравленными. Проблемой номер один стала вода. Она нужна была измученным жарой людям, перегретым машинам. Для подвоза воды использовалось буквально все: от емкостей понтонного парка до автомобильных камер.

Переход через Гоби и Хинган стал тяжелейшим испытанием для наших воинов, но поистине роковым он оказался для врага.

12 августа по приказу командующего фронтом маршала Р. Малиновского 6-я гвардейская круто повернула на юг, нацелившись на Мукден и Чаньчунь, где находился штаб Квантунской армии. Пытаясь остановить забайкальцев, враг бросал навстречу дивизии резерва. Но танкисты, поддержанные авиацией, уничтожали и рассеивали их, шли вперед.

В считанные дни войска Забайкальского фронта вышли на подступы к крупнейшим военно-промышленным центрам Маньчжурии.

— А как развивалось наше наступление со стороны Приморья? Вы говорили, что именно здесь находились мощные вражеские укрепления. Как удалось их взломать?

— Войска 1-го Дальневосточного фронта нанесли удар в ночь на 9 августа. Используя опыт Берлинской операции, мы запланировали подсветку вражеской обороны армейскими прожекторами. Наметили сильнейшую артиллерийскую подготовку. Но разразившийся тропический ливень — почти ураган! — заставил изменить планы.

Командующий фронтом маршал К. Мерецков решил атаковать врага без авиационной и артиллерийской поддержки. Ведь штормовая погода исключила действия не только нашей артиллерии, но и японской.

В кромешной тьме передовые отряды 5-й и 1-й Краснознаменной армий внезапно ворвались в японские траншеи и доты. Под проливным дождем разгорелись яростные рукопашные схватки. Враг не выдержал натиска и был смят. Вслед за передовыми частями вперед двинулись главные силы армий.

Непроходимая тайга встала на пути войск. С сопок гремели японские орудия. Бывало, что танки, развернув башни, пробивали в чаще дорогу. И все-таки армии фронта за два дня продвинулись на 50 — 70 километров. Пояс укрепрайонов был разорван.

Видя, что удержать наши войска на границе не удалось, вражеское командование решило остановить их на втором подготовленном рубеже — у города Муданьцзян. Подступы к нему прикрывали войска пяти отборных дивизий, усиленных артиллерией, и три полосы железобетонных укреплений.

Первый наш натиск не принес успеха. Особенно трудная обстановка сложилась в частях 26-го стрелкового корпуса, который пробивался к центру города. Японцы бросили против него крупные силы, в том числе специально созданную бригаду смертников. «Камикадзе» нападали из засад на наших бойцов, обвязавшись минами, пытались подрывать танки.

Но к 15 августа главные силы 5-й японской армии оказались разгромлены. Только убитыми и пленными враг потерял до сорока тысяч.

Прорвав укрепленный рубеж, ударная группировка 1-го Дальневосточного фронта стремительно двинулась в глубь Маньчжурии. 5-я армия генерала Н. Крылова получила приказ наступать на Гирин, а 1-я Краснознаменная армия генерала А. Белобородова — на Харбин. К этому времени штаб Квантунской армии уже полностью потерял управление войсками. Ход событий вышел из-под контроля японских генералов.

— Какие шаги предприняло японское правительство перед лицом неминуемого поражения?

— События в Маньчжурии потрясли японских правителей. Уже 14 августа император объявил о согласии Японии с условиями Потсдамской декларации. На следующий день пал военный кабинет премьера Судзуки.

На Тихом океане японские войска складывали оружие, и в США начался двухнедельный праздник по случаю победы. Но на полях Маньчжурии по-прежнему лилась кровь...

— Как долго еще продолжалось сопротивление Квантунской армии?

— Проблески здравого смысла появились у японских генералов примерно 17 августа. В этот день японский самолет сбросил в расположение войск 1-го Дальневосточного фронта два вымпела с просьбой штаба Ямады прекратить военные действия. Однако и после этого японские войска не сложили оружия.

И мы продолжили наступление.

Войска маршала Р. Малиновского вышли на линию Жэхэ — Мукден — Цицикар, перерезав коммуникации врага в центральных районах Маньчжурии. Вдоль реки Сунгари стремительно продвигалась к Харбину 15-я армия 2-го Дальневосточного фронта. Вместе с ней шли корабли Краснознаменной Амурской флотилии. Бронекатера и тяжелые мониторы за одиннадцать суток прошли с боями свыше семисот километров.

На харбинском рейде орудия этих кораблей заставили спустить боевые флаги японскую Сунгарийскую флотилию, которая еще недавно устраивала пиратские провокации в водах Амура.

Полный разгром потерпели японские оккупанты и в Северной Корее. С исключительным мужеством действовали на корейской земле советские десантники. Они захватили порты и удерживали их до подхода сухопутных сил. А скоро флаг свободы взвился над Пхеньяном. Теперь Квантунская армия оказалась полностью отрезанной от островов метрополии.

В эти дни войска генерала Плиева разгромили дивизии марионеточного князя Девана и оседлали дорогу Жэхэ — Пекин. На правом фланге они установили взаимодействие с 8-й Народно-освободительной армией Китая. Успех конно-механизированной группы открыл «зеленую улицу» 8-й армии. Не встречая серьезного сопротивления, она продвигалась параллельно войскам Плиева.

— В этой связи разрешите спросить, почему наши войска были остановлены на подступах к древней китайской столице, а затем и вовсе отведены к северу, за Великую китайскую стену?

Недавно генерал армии Плиев рассказал мне, что 20 августа он получил ваш личный приказ отойти от города, предоставив возможность Народно-освободительной армии Китая первой вступить в Пекин...

— Да, такой приказ был. Накануне я звонил Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину, и он посоветовал мне сделать это. Ну, а совет Верховного — практически приказ.

— Известно, что Вы направили в штаб Квантунской армии радиограмму с требованием безоговорочной капитуляции. Как далее развернулись события?

— Через несколько часов генерал Ямада радировал о согласии с нашими условиями. Чтобы ускорить капитуляцию, я отдал приказ фронтам немедленно захватить Чаньчунь, Мукден и Харбин специально сформированными отрядами.

В тот же день воздушный десант под командованием генерал-майора Г. Шелахова захватил аэродром в Харбине. Десантники пленили прибывшего сюда начальника штаба Квантунской армии генерала Хата и затем доставили самолетом на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта.

Вместе с маршалом К. Мерецковым мы задали Хата ряд вопросов. И сразу же выяснилось: японское командование полностью утратило связь со своими войсками и даже не знает, где находятся многие соединения. Пришлось пригласить генерала к карте... и указать их расположение, а также разъяснить, куда надо следовать этим войскам для сдачи в плен.

Мы заверили Хата, что Советская Армия гарантирует гуманное отношение ко всем военнопленным. После этого мы разрешили ему отбыть на нашем самолете в свой штаб.

И вскоре по дорогам Маньчжурии потянулись колонны некогда кичливых вояк. В плен сдались 593 тысячи солдат и офицеров и 148 японских генералов.

Японская армия была разгромлена. Победа советских войск открыла путь для развития новых дружеских отношений с нашим дальневосточным соседом. И теперь, по прошествии тридцати лет, мы видим, как между нашими странами установились прочные деловые связи, основанные на дружбе, уважении и взаимной выгоде.

Но значение нашей победы этим не ограничивается.

Народы Восточной Азии, много лет стонавшие под игом японской военщины, наконец вздохнули свободно. Победа Советской Армии создала условия для успеха народных революций в Северной Корее, Китае, Вьетнаме. Вспоминаю, как Мао Цзэ-дун, еще считавшийся в те времена с исторической правдой, писал в августе сорок пятого: «...Красная Армия пришла помочь китайскому народу изгнать агрессоров. Такого примера еще не было в истории Китая. Влияние этого события неоценимо».

Мы передали Народно-освободительной армии огромное количество трофейного оружия, а только два наших фронта захватили 3 700 орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, 12 000 пулеметов, не говоря о кораблях Сунгарийской военной флотилии.

Эти трофеи и переданное позднее советское оружие помогли Народно-освободительной армии технически оснастить свои войска, ставшие ударной силой Народной революции. Всюду, где проходили наши воины, китайские и корейские труженики старались, чем можно, помочь советским бойцам. Они восстанавливали мосты и дороги, охраняли железнодорожные пути, вылавливали разбегающихся японских солдат...

...В те памятные победные дни мне довелось побывать во многих городах Китая и Северной Кореи. И всюду я видел восторженные лица людей, приветствующих солдат нашей армии. В Мукдене и Харбине, в Пхеньяне и Порт-Артуре я слышал слова горячей признательности советским воинам-освободителям, одержавшим великую победу. Победу, поставившую последнюю точку во второй мировой войне.

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ПАРТИИ ТРУДЯЩИХСЯ ВЬЕТНАМА ТОВАРИЩ ЛЕ ЗУАН ПЕРЕДАЛ ЭТУ ФОТОГРАФИЮ ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК» С НАДПИСЬЮ:

«С уважением читателям журнала «Огонек». Да здравствует советско-вьетнамская дружба!

Ле Зуан».

В ГОДЫ БОРЬБЫ И ПОБЕД

Вице-президент ДРВ НГУЕН ЛЫОНГ БАНГ

Этой осенью народ Вьетнама радостно отмечает 30-летие образования Демократической Республики Вьетнам. Юбилей празднуется в обстановке всенародной радости, вызванной полной победой в деле освобождения Юга и изгнания войск американских агрессоров с вьетнамской земли. Эта победа открывает эпоху вечной свободы и независимости, эпоху самого блестящего развития за всю историю вьетнамской нации.

Основа нынешней славной победы была заложена Августовской революцией в 1945 году, когда вьетнамский народ, воспользовавшись благоприятным историческим моментом, созданным победой Советского Союза над фашизмом, под мудрым руководством Коммунистической партии Индокитая, теперь Партии трудящихся Вьетнама, в едином порыве поднялся на восстание и добился независимости и суверенитета своей страны.

2 сентября 1945 года товарищ Хо Ши Мин, первый вьетнамский коммунист, принесший свет Октябрьской революции во Вьетнам, первый президент ДРВ, торжественно провозгласил всему миру: «Вьетнам имеет право быть свободным и независимым и действительно стал свободным и независимым».

С того дня наш народ в течение тридцати лет вел упорную героическую борьбу за защиту Демократической Республики Вьетнам, первого государства народной демократии в Юго-Восточной Азии, тесно связанную с революционной борьбой народов за мир, национальную независимость, демократию и социализм. Существование и рост могущества Советского Союза и других социалистических стран, а также непрерывное развитие национально-освободительного движения и движения народов за мир и демократию вдохновляли вьетнамский народ в двух войнах сопротивления за свое национальное спасение — сначала против французских империалистов, а затем против американских. Вьетнамский народ постоянно встречал симпатию и мощную поддержку со стороны Советского Союза, других стран социализма, миролюбивых демократических и прогрессивных сил всего мира. Он черпал в этом духовные и материальные силы для развития борьбы сопротивления и достижения побед.

В трудные годы войны сопротивления французским колонизаторам молодая Демократическая Республика Вьетнам была признана Советским Союзом и другими социалистическими странами. Удостоившись чести быть первым послом Демократической Республики Вьетнам в Союзе Советских Социалистических Республик, я был непосредственным свидетелем живых проявлений горячего чувства боевой дружбы, которое испытывал советский народ по отношению к народу Вьетнама. Советские люди радовались, как своей собственной, нашей победе при Дьенбьенфу, и после подписания Женевских соглашений в 1954 году КПСС, правительство и народ Советского Союза оказали нам искреннюю поддержку и помощь в восстановлении экономики, залечивании ран, нанесенных войной, в строительстве социализма в Северном Вьетнаме и в борьбе за объединение нашей страны.

Дружба, сотрудничество и боевая сплоченность между Вьетнамом и Советским Союзом получили свое дальнейшее развитие во время испытаний бесчеловечной агрессивной войны, развязанной против вьетнамского народа американскими империалистами. Братский советский народ с возмущением осудил преступления империалистов США и их приспешников. Советский Союз оказал помощь Вьетнаму в подготовке десятков тысяч специалистов и рабочих для нужд фронта и производства. Советский Союз направил во Вьетнам несколько тысяч своих лучших специалистов для оказания нам помощи в повышении экономического и оборонного потенциала. Ряд советских товарищей во время разрушительной, ожесточенной войны американских империалистов против вьетнамского народа отдали свою жизнь, оказывая героическую помощь Вьетнаму.

Проявлением высокой международной солидарности советского народа стали слова товарища Л. И. Брежнева, подчеркнувшего: «...В дни мира, как и в дни войны, мы с вами будем вместе, в одном строю. Поддержка Вьетнама — это наш интернациональный долг. Это — общее дело всех социалистических стран».

«Когда пьешь воду, помни об источнике». Народ Вьетнама вечно с благодарностью помнит о великом Ленине, о героическом советском народе, который совершил Октябрьскую революцию, открывшую новую эру в истории, который вел мужественную борьбу и одержал славную победу, избавив человечество от фашизма. Вьетнамский народ с благодарностью помнит о Советском Союзе, других социалистических странах и прогрессивных силах всего мира, которые непрерывно вдохновляли и помогали нашему народу в войне против империалистической агрессии. Блестящая победа вьетнамского народа, полностью разгромившего неоколониализм США во Вьетнаме, достигнута нашим народом в упорной и героической борьбе под мудрым руководством Партии трудящихся Вьетнама. Эта победа одновременно является победой международной солидарности с нашим народом, поддержки и помощи ему со стороны социалистических стран и прогрессивных сил всего мира.

У народов наших двух стран есть одинаковая поговорка: «Золото испытывается в огне». Вьетнамо-советская дружба родилась на основе пролетарского интернационализма, общих идеалов и революционных целей и закалилась в огне длительной борьбы. В дальнейшем она станет еще крепче и ничто не сможет ее поколебать. Со своей стороны, вьетнамский народ обещает отдать все свои силы для того, чтобы вьетнамо-советская дружба процветала вечно.

Пользуясь случаем, я хочу пожелать советскому народу успешно завершить выполнение девятого пятилетнего плана и добиться новых успехов в создании материально-технической базы коммунизма на родине великого Ленина.

Пусть с каждым днем крепнут и развиваются братская солидарность, дружба и сотрудничество между народами Вьетнама и Советского Союза!

7 августа 1975 года.

Вьюнг Чинь. ХО ШИ МИН СРЕДИ КРЕСТЬЯН (ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЛЕЧА).

Ле Тхиеп. ПЛАКАТ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ОСВОБОЖДЕНИЮ ПЛАТО ТЭЙ-НГУЕН.

ФАМ ДЫК НАМ,
заместитель председателя Народно-революционного комитета провинции Куангнам

НАЧАЛО

К Данангу, второму по величине городу Южного Вьетнама, мы подъезжали ночью. Внизу слева светились, будто город с самолета, огни рыбачьих лодок, усеявших залив, а справа лучи фар упирались в зеленый силон горы. В их прямом белом свете возникали, как на выставке абстрактной скульптуры, уродливые переплетения ржавого металла — то перевернутый «джип», то завалившийся набок бронетранспортер, грузовик или автобус. Бесконечные спирали колючей проволоки, бетонные колпаки дотов, сторожевые вышки, обложенные мешками с песком, — все это мы увидели уже утром. Здесь, в этом городе, находилась крупнейшая в Юго-Восточной Азии американская военная база, база агрессии против вьетнамского народа. 28 марта 1975 года над городом взвились первые красно-голубые флаги с золотой звездой. Их подняли восставшие жители. На следующий день части народных вооруженных сил полностью освободили Дананг. Началась новая, мирная жизнь. В здании бывшей мэрии на набережной реки Хан теперь работает народно-революционный комитет провинции Куангнам. Здесь и состоялась наша беседа с товарищем Фам Дык Намом.

•

Прежде всего я хочу от имени жителей Дананга передать самый горячий привет советским людям, с которыми нас связывает большая дружба. Приезд сюда корреспондентов «Огонька» — еще одно подтверждение этого.

Я рад, что могу сказать: советские люди были первыми иностранцами, появившимися в нашем городе после освобождения. Я имею в виду советские корабли, которые подошли к причалам Дананга вскоре после того, как в городе была установлена народная власть. Население встретило их с большой радостью. Советские суда доставили топливо и продукты — то, что нам сейчас так нужно. Это акт большого политического значения. Вы привезли нам не только грузы, вы привезли радость и уверенность.

Здесь было примерно 20 тысяч сайгонских солдат и около двух тысяч местных. Добавьте еще 5 тысяч, которые насчитывались в отдельных отрядах вроде ополчения, подчиненных сайгонскому командованию. В каждой деревне находились отдельные группы солдат и еще силы так называемой самообороны — это 80 тысяч. Всего около Дананга было сосредоточено 110 тысяч солдат! То, что Дананг был базой, оснащенной по последнему слову военной техники, вам известно.

Мы победили потому, что народ был на нашей стороне. Вот лишь два частных примера: в районе Хоакам восставшее население заставило сдаться две тысячи вражеских солдат, а в районе Ньокман повстанцы разоружили пятьсот солдат морской пехоты. Благодаря мощному восстанию мы смогли за 36 часов — с ночи 28 марта до половины дня 29 марта — полностью освободить город.

Наша победа — это победа всего народа, результат огромной организационной работы партии. Еще до освобождения в городе была создана широкая сеть революционных баз. Главной опорой партии явился рабочий класс. Нам удалось привлечь на свою сторону молодежь, средние слои населения. Партия действовала повсюду, вела большую воспитательную работу, целенаправленно готовила массы к восстанию. И в рядах сайгонской армии действовали наши люди. За три дня до освобождения в кварталах города и на предприятиях были созданы комитеты восстания. И когда подошла армия освобождения, через эти комитеты был дан приказ о восстании. Таким образом, народ сам освободил себя.

Еще раз хочу подчеркнуть, что это результат огромной организационной работы партии, ее руководящей роли. Очень правильно был выбран и сам момент восстания. Ленин говорил, что восстание должно опираться на революционный подъем народа, когда активность его передовых рядов наибольшая и когда всего сильнее колебания в рядах врагов. Очень верные слова! Именно такая ситуация сложилась у нас к 29 марта. Не раньше, не позже. И мы решили: час настал. Теперь эта дата стала уже исторической.

Любопытное совпадение: 29 марта 1973 года американцы спустили свой флаг и убрались отсюда, передав военную базу сайгонским властям. Потеряв свою главную опору, южновьетнамские марионетки не долго продержались здесь. Кончилось рабство, которое продолжалось 117 лет. Ведь именно отсюда, с Дананга, в 1858 году французские колонизаторы начали захват Вьетнама.

Итак, 29 марта началась новая история нашего города. Мы приказали всем солдатам сайгонской армии явиться для регистрации. За три дня — 30, 31 марта и 1 апреля — уже 109 тысяч человек зарегистрировались и сдали оружие. Всех, кто сложил оружие, мы распустили по домам.

К моменту освобождения в нашем городе было около миллиона жителей. Коренные данангцы составляют лишь половину. Остальные — это люди, которых сайгонские власти насильно отправляли сюда из провинций, освобожденных патриотами. Немало было и беженцев, прибывших из деревень за годы войны. Ведь враги много лет твердили о зверствах коммунистов.

Сразу после освобождения встали три задачи: первая — разоружить всех солдат марионеточной армии; вторая — отправить домой беженцев; третья — обеспечить спокойствие и порядок, наладить нормальную жизнь в городе. Это — самое трудное.

Дананг был городом, который обслуживал агрессоров. Во всех отношениях. Здесь мало крупных промышленных предприятий, зато много военных объектов: аэродромы, причалы, казармы, склады. Все, кто там работал, получали зарплату из рук наших врагов. Когда хозяева военных баз бежали под натиском патриотов, эти люди лишились своего заработка и увеличили без того огромную армию безработных.

Вторая особенность Дананга — это город мелких торговцев. Рестораны, бары, кинотеатры и увеселительные заведения иного рода — все это было рассчитано на обслуживание солдатни. Процветали черный рынок, спекулянты. В городе было более 56 тысяч проституток — результат длительного пребывания американской армии. Все те, кто так или иначе зависел от сайгонского воинства, по существу, не имеют ни профессии, ни привычки к созидательному труду.

Поэтому проблемы, которые сегодня стоят перед нами, очень серьезны. Мы должны превратить Дананг в трудовой город. Только тогда, когда люди будут трудиться, мы сможем их воспитывать.

Сейчас сделаны первые шаги в этом направлении: 35 тысяч человек получили работу. И люди очень рады этому. Я считаю это первой победой нашей революции после войны. Уверен, что постепенно жизнь войдет в нормальную колею. Сегодня, вы видели, работают школы, больницы. Политическая обстановка нормальная. Но впереди у нас еще много трудностей.

Трудно с кадрами. В годы войны мы потеряли многих наших лучших людей, испытанных бойцов партии. А те, кто уцелел, умеют хорошо воевать, но у них еще нет опыта руководства хозяйством. Мы должны этому научиться, и научиться быстро. Мы организуем для этого специальные курсы. Большую помощь нам оказывает ДРВ. Мы уверены, что с помощью наших братьев с Севера, с помощью Советского Союза сможем в короткий срок залечить раны войны, покончить с тем наследием, которое нам оставили колонизаторы и империалисты, и перейти к строительству социализма.

ТАК ЭТО БЫЛО

30 апреля 1975 года. Зыонг Ван Минь в студии сайгонской радиостанции готовится выступить с заявлением о безоговорочной капитуляции. Фото Ки Няна

2 мая 1975 года первый вертолет революционного правительства совершил посадку на аэродроме Таншоннят. Фото Ле Ба

Генерал-полковник Чан Ван Ча, председатель военно-административного комитета Сайгона, приветствует население. Фото Чан Хо

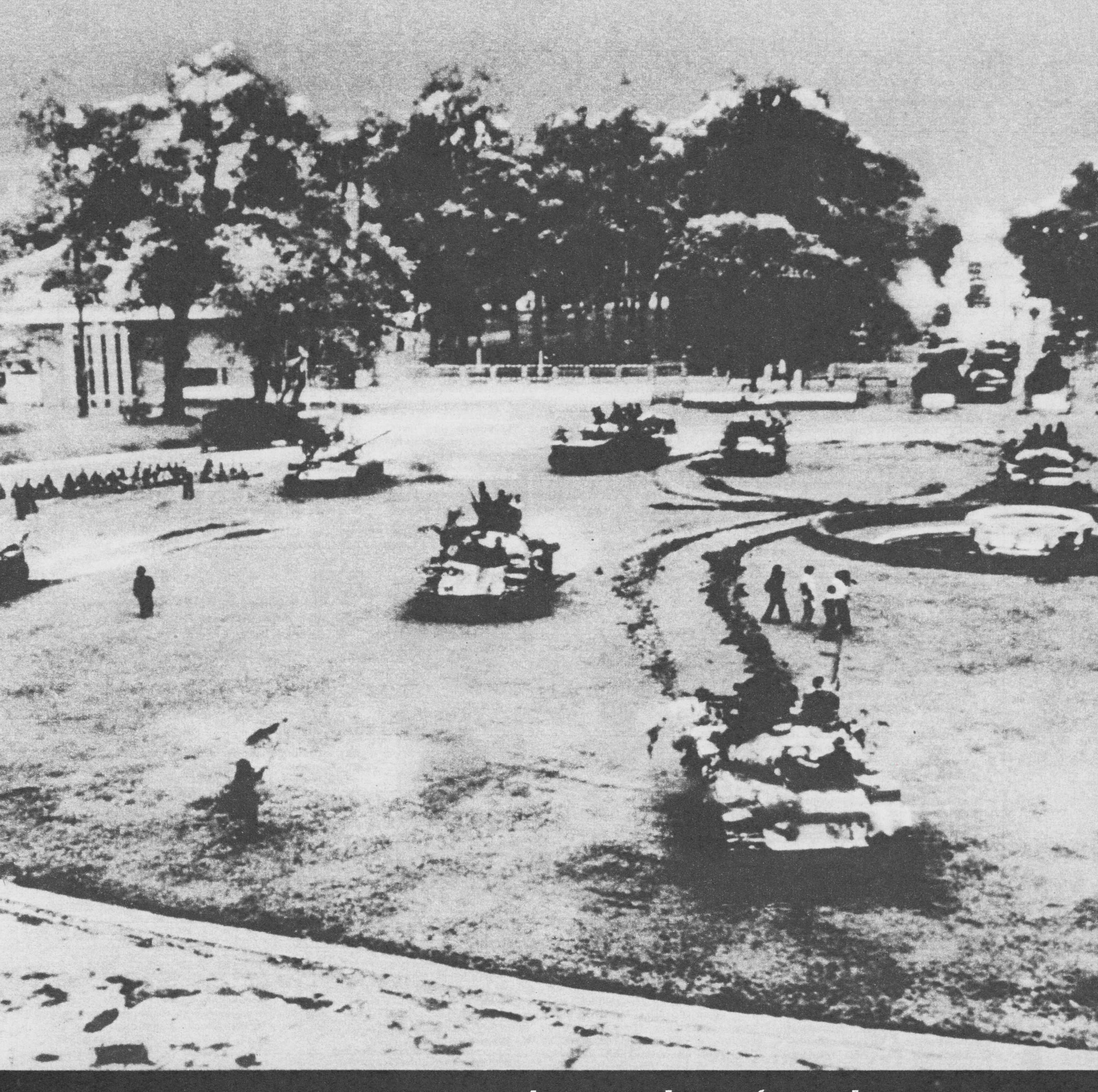

5 мая 1975 года вышла газета «Освобожденный Сайгон».

НГУЕН ТХАНЬ ДИТЬ,

корреспондент журнала «Вьетнам»

Танкисты из части «Донгшон» приближаются к Дворцу независимости.

Мне выпала честь быть в числе тех, кто первым вошел в Сайгон сразу же после его освобождения. На шоссе Сайгон — Бьенхоа еще горели вражеские танки и бронетранспортеры. На боевых позициях — трупы солдат марионеточной армии. Дорога усеяна ботинками и касками американского производства. Замерли боевые машины под белыми флагами.

Мы проехали через мост и направились к центру. Казалось, весь Сайгон вышел на улицы, радостно встречая освобождение. Вокруг — лес красно-голубых знамен. Наша машина утонула в человеческом море.

Один незнакомый парень взялся отвезти меня в центр города. Взревел мотор «хонды», и мы тронулись вперед в живом потоке. Проехали улицу Чыонг Минь Зянг, улицу Ты Зо и затем добрались до дворца марионеточного президента, где вчера Зыонг Ван Минь и вся его администрация безого-

Ольга **ТРОФИМОВА**,
специальный корреспондент АПН

ЗЕЛЕНОЕ ЗЕРКАЛО

Когда на полях провинции Тхайбинь созревает рис, все дороги устланы рисовыми колосками. На шоссе и на сельском тракте они шелестят под шинами, словно шепотом ведут рассказ о трудолюбии рук, вырастивших их. Рис на дороге? Оказывается, проезжающие по нему машины выполняют роль дополнительных молотилок.

— Тхайбинь — значит Мирный край. Но до сих пор крестьяне находят в земле неразорвавшиеся бомбы и мины,— рассказывает Дао Куанг Те, постоянный член административного комитета провинции.

До Августовской революции 1945 года этот человек был участником революционного подполья, затем стал учителем в школе. Потом работа в уездном, а теперь — провинциальном комитете.

— За тридцать лет народной власти многое изменилось в нашем крае,— с гордостью сказал товарищ Те. — В 1966 году впервые в республике кооперативы Тхайбиня стали собирать в среднем по пять тонн риса с гектара. Спустя несколько лет — шесть, а сегодня — уже семь тонн! В лучших хозяйствах провинции получают по девять-десять тонн.

А разве можно сравнить жизнь крестьян раньше и теперь! — говорил мой собеседник.— До 1945 года каждый четвертый в деревне умирал от голода. До Августовской революции в провинциальном центре была только одна больница и одна школа. Сегодня у нас целая сеть школ, больниц, профессиональных и медицинских училищ. Наш медицинский институт вскоре станет одним из крупнейших вузов республики.

Недавно мы обсуждали перспективы края в связи с подготовкой к предстоящему пятилетнему плану развития народного хозяйства ДРВ на 1976—1980 годы,— продолжал товарищ Те. — Намечены главные рубежи — добиться средней урожайности риса девять тонн с гектара, вырастить около полумиллиона свиней, увеличить на четверть объем промышленной продукции, повысить благосостояние населения. Поезжайте в один из наших кооперативов, посмотрите, как живут и работают крестьяне...

Наша беседа с Динг Куанг Нги прервалась в самом начале — за председателем пришли встревоженные кооператоры: на небе сгустились рваные, черные тучи, внезапно поднялся ветер — надвигающийся ливень угрожал разложенному для просушки семенному рису. Председатель вернулся быстро, чай в маленьких чашечках еще не успел остыть. Довольный, с улыбкой, осветившей его серьезное лицо, товарищ Нги радостно сообщил:

— Успели! Привыкли мы беречь каждое зернышко. Давайте пойдем сразу на поля,— предложил он.— Дождь вроде раздумал.

По дороге председатель рассказывает:

— Весенний урожай получили нынче отличный. Да и в прошлом году собрали более десяти тонн риса с гектара. Не думайте, что наше хозяйство развивалось в каких-то особых, тепличных, что ли, условиях. Скорее наоборот. Почвы неважные, частые наводнения в сезон дождей оборачивались в прежние времена катастрофой. Урожаи были низкие. Многие навсегда оставляли эти места. В 1960 году здесь было организовано четырнадцать маленьких кооперативов, позже их объединили в четыре хозяйства, а затем они слились в один кооператив «Ву Тханг». Можно маневрировать и техникой и рабочей силой, вести хозяйство по науке.

Первый большой успех пришел в 1965 году: собрали пять тонн риса с гектара. Год от года урожайность стала расти. Увеличивались и доходы крестьян. Раньше государство нередко продавало рис кооперативу. Теперь картина обратная: «Ву Тханг» ежегодно продает 600 тонн.

По узкой тропке председатель ведет меня вдоль зеленого зеркала залитых водой полей на животноводческую ферму. Кооператив продает государству 70 тонн мяса в год.

С фермы мы отправились в правление. По улице деревни нас сопровождает ватага детворы. Идем мимо красивого здания в бамбуковых строительных лесах.

— Для них,— кивает председатель на наших звонкоголосых спутников.— Школа второй степени — от пятого до седьмого класса. Теперь все учатся. Более ста наших ребят окончили школу третьей степени. Сорок человек в «Ву Тханге» имеют высшее образование. И это в крае, где до революции лишь пять жителей из ста умели читать и писать.

— Льенсо! — Советский Союз! — дружно кричат ребята и приветливо машут руками.

— Дети хорошо знают, — улыбается Динг Куанг Нги, — что советские люди — наши друзья.

Рис нового урожая. **Фото автора.**

ворочно капитулировали перед Армией освобождения. Над дворцом в синем небе пламенеет знамя победы. Жители обступили бойцов Армии освобождения. Вспыхнул стихийный митинг. Бойцов обнимают, пожимают им руки, хлопают по плечам. Улыбки. Вопросы. Люди встречают бойцов, как своих родных, которые только что вернулись издалека. Какая-то женщина, пробравшись сквозь толпу, подошла к одному из солдат и зарыдала: «Сынок, вот ты и вернулся, порадовал материнское сердце!» Тот заплакал, да и мы тоже не могли сдержать слез. После длительного молчания женщина заговорила вновь: «Я из района Банко, мой сын ушел в джунгли в 1968 году. Он тоже в Армии освобождения. Вы случайно не знаете, где он сейчас?» Боец отвечал: «Дорогая матушка, ваш сын вернется! Вы слышите: Сайгон и вся страна поют песню победы».

Потом я направился к башне Тху Нгы у пристани Ня Жонг. Отсюда отправился за границу 5 мая 1911 года Хо Ши Мин. Прошли годы. Дядюшка Хо вернулся на родину. 2 сентября 1945 года Хо Ши Мин на ханойской площади Бадинь зачитал Декларацию независимости. Это было рождение Демократической Республики Вьетнам. Его взволнованно слушал и Сайгон и вся страна. Народ поклялся всю жизнь идти за Хо Ши Мином. Потом враг развязал агрессию против нашей страны. Сайгон и весь Юг вступили в борьбу Сопротивления, она продолжалась тридцать лет. И вот сегодня — победа!

Хо Ши Мина не стало, но завет его выполнен: «Какими бы ни были трудности и лишения, наш народ непременно одержит полную победу. Американские империалисты непременно будут вынуждены уйти из нашей страны. Наша родина непременно будет объединена. Соотечественники Юга и Севера непременно будут жить под одной крышей».

Этот радостный день переполнен
 был солнечным светом.
Мы в борьбе закалились.
 На крыльях победной зари,
Милый дядюшка Хо, мы пришли
 в этот город с победой,
Красным цветом знамен Ваше имя
 теперь в нем горит *

На улицах я вижу молодых людей с красными повязками, с американским оружием в руках, которые поддерживают порядок и регулируют движение транспорта. Это студенты, учащиеся, рабочие, которые сразу же пришли на помощь революции. Студент литературного факультета университета Хюинь Ван Тан сказал мне: «То, что нам поручила революция, — это честь для нас. При старом режиме мы выходили на улицы, невзирая на слезоточивый газ и полицейские дубинки, чтобы требовать мира, демократии, свободы. Теперь, после освобождения Сайгона, мы должны охранять завоеванную независимость и свободу. Поэтому мы и работаем, не жалея сил, для нового строя».

Я встречал группы студентов и учащихся, которые шли с метлами и лопатами убирать улицы. Они разбирали груды военного обмундирования, касок, ботинок, брошенных солдатами марионеточной армии, очищали проезды от искореженных машин.

В клубе учащейся и студенческой молодежи Сайгона с утра до вечера многолюдно. Непрерывно передаются новости, звучат революционные песни. Юноши и девушки приходят сюда, чтобы записаться в отряды, которым поручаются различные общественные дела.

* Отрывок из стихотворения поэта То Хыу, члена ЦК ПТВ.

СТИХИ ВЬЕТНАМСКИХ ПОЭТОВ

Тридцатилетию Демократической Республики Вьетнам Союз писателей СССР посвятил литературный конкурс «Молодая поэзия Вьетнама в переводах советских молодых поэтов». Мы публикуем некоторые работы, присланные на конкурс.

В Советском Союзе уже хорошо знают современную вьетнамскую поэзию. Эти стихи сегодня впервые знакомят нашего читателя с новым поколением поэтов братской страны.

БАНГ ВЬЕТ

НОЧЬ 30 АПРЕЛЯ 1975

Земля сегодня та же, что вчера,
все те же краски, те же звуки,
Но чудо было — я узнал,
что наступил конец разлуки,
Что реки Севера
слились с реками Юга,
Что горы встретились
и обняли друг друга.
Поет в ночи Камау ветерок,
безмерно счастлив я!
Вы спите ли сейчас,
далекие друзья?
Сегодняшняя ночь —
пора воспоминаний
О тех из нас, кто пал в бою,
о лихолетье мук и испытаний,
Доставшихся народу моему...
Нет сил идти домой!
Бывает в жизни только раз
момент такой.
Теснятся мысли, чувства,
ставшие светлей, богаче;
Брожу по улицам,
от радости смеюсь и плачу,
И все мне кажется,
что грежу наяву.
Дождь льет над всей страной,
пропитывает землю и листву;
Травинки, слушая
дождя призывный стук,
Соединяются в один
огромный луг;
Победа наша велика,
как этот проливень великий,
Жизнь продолжается; родятся дети,
слышу я их крики,
А рядом тишина
без воя бомбы и без визга пули;
Сайгон с Ханоем
в алых стягах утонули!
И лишь младенцы,
внуки Хо Ши Мина,
Еще не знают,
что их родина едина.

Перевод Э. ШУСТЕРА.

ХОАНГ НЮЭН КАМ

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА

Утро:
Ясный и праздничный будет восход.
День:
Предвечерняя дымка загадочна и знакома.
Вечер:
Защелкала ящерка — с кем-то беседу ведет.
Разве уснешь? —
Слышу вздохи земли
И перестрелку вдали.
Так, наверно, у всех первый раз
перед боем.
Светает. Пора. Где-то мама не спит.
Петухи разбудили селенье родное.
Скатываю гамак — ухожу туда, где слышна
перестрелка.

Перевод О. ЧУГАЙ.

ФАМ ТИЕН ЗУАТ

СТИХИ О МАШИНАХ БЕЗ СТЕКОЛ

Нет стекол в машине —
Повыбиты стекла в пути,
Сплошные бомбежки на всем протяженье
маршрута.
Поглядывай в небо, шофер,
да баранку крути,
На полном ходу меж воронок выруливай
круто!
Врывается ветер в кабину и режет глаза,
Мы смотрим вперед,
а дорога бежит прямо в сердце!
Темнеет.
На западе меркнет зари полоса,
И птица ночная крылом ударяется
в дверцу,
Нет стекол,
а значит, приедешь от пыли седым,
Но некогда мыться,
немыслимо остановиться!
Закуриваем сигареты и молча дымим.
Глядим друг на друга — смеются
чумазые лица.
Нет стекол,
а значит, до нитки промокнешь, когда
Тропический ливень внезапные струи
обрушит.
Но рано переодеваться, и что за беда?
Обычное дело:
дождь вымочит — ветер обсушит.
Налет —
и машины, одна за одною, с шоссе
Ныряют в лесок,
уходя от бомбежки жестокой.
Повсюду, на каждом привале встречаем
друзей,
И машем,
и руки им жмем через окна без стекол.
Походные кухни пускают под небо дымки,
В солдатскую складчину каждый несет,
что имеет.
Развешены тесно меж темных стволов
гамаки...
И снова мы едем,
и небо вдали голубеет.
Нет стекол,
а после и фар,
оторвался капот,
Протекторы стерты,
и нет передышки машинам.
Но Юг — впереди.
И дорога зовет нас вперед,
И сердце с мотором работает в ритме
едином!

Перевод Г. КРУЖКОВА.

В свое время из Вашингтона раздавались голоса, что если американские войска уйдут из Южного Вьетнама, то там будет «кровавая баня». Но на следующий же день после освобождения Сайгона заведующий корреспондентским пунктом агентства Ассошиэйтед Пресс сообщил: «Нет никакой кровавой бани, а можно видеть лишь людей, обступающих бойцов освобождения, и детей, которые играют на брошенных южновьетнамских танках».

Я влился в толпу, которая стекалась из разных улиц к Дворцу независимости на митинг. Революция — праздник народных масс. Сайгон вступил в этот праздник 30 апреля. Накануне молодежь и студенты, собравшись в учебных заведениях, ночь напролет вели жаркие дискуссии о положении и новых задачах революции, пели хором революционные песни. Перед рассветом на улицы хлынули толпы людей со знаменами и транспарантами. Жители надели самые красивые наряды, устремились к дворцу, заполнили его двор. Здесь плескалось целое море людей, над которым звучали революционные песни. Читаю лозунги: «Нет ничего дороже независимости и свободы», «Великий президент Хо Ши Мин вечно живет в делах нашего народа»...

Когда на трибуне появились председатель военно-административного комитета Сайгона генерал-полковник Чан Ван Ча и другие члены президиума митинга, пронесся шквал аплодисментов, приветственно всколыхнулись знамена и цветы. Каждый тянулся вверх, чтобы увидеть генерал-полковника, этого стойкого борца, который начал свой путь еще с восстания в Намки в 1940 году. Люди внимательно слушали каждое его слово и горячо аплодировали ему. Чан Ван Ча подчеркнул:

«Освобождение Сайгона, этого героического города, который первым начал борьбу Сопротивления и который удостоен чести носить имя дорогого дядюшки Хо, — это блестящий подвиг. Операция «Хо Ши Мин» завершилась полной победой именно здесь, откуда взяла свое начало священная 30-летняя война Сопротивления. Впервые более чем за сто лет над Вьетнамом от Лангшона до мыса Камау нет и тени войск чужеземных агрессоров вместе с их милитаристскими приспешниками. Вся страна обрела полную независимость и подлинную свободу. Вся страна обрела прочный и вечный мир...»

Митинг закончился, но никто не хотел расходиться. Казалось, люди хотели до конца насладиться этой огромной общей радостью. Один западный журналист, стоявший рядом со мной, сказал: «Удивительно. До сих пор Сайгон еще ни разу не демонстрировал такую огромную силу, как сейчас». Да, Сайгон шел к сегодняшнему дню 30 лет. Что может быть более радостного и счастливого! Юноша по имени Нгуен Ван Минь, например, поделился со мной своими чувствами: «Всего несколько недель назад я метался с одного места на другое, скрываясь, чтобы меня не взяли в армию, и постоянно находился под страхом». Другой добавил: «Раньше нам было запрещено входить во двор этого дворца. Видите — там на железной ограде еще осталась надпись: «Не подходить близко, иначе будет открыт огонь». А теперь мы впервые пришли сюда. Наша власть — это другое дело!»

Мимо трибуны одна за другой шли группы демонстрантов. Величественно лилась мелодия «Освободим Юг», и в такт ей шагали бойцы Армии освобождения — солдаты победы, участники исторической операции «Хо Ши Мин».

К ЮГУ И СЕВЕРУ

Л. ПЛЕШАКОВ,
фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Собираясь во Вьетнам, мы беспокоились, удастся ли попасть на Юг, сайгонский режим капитулировал всего за несколько недель до нашей поездки.

Но первое, что услышали мы в Ханое, в комитете по культурным связям с зарубежными странами:

— Вам предоставляется возможность побывать в Южном Вьетнаме. Теперь наконец созданы реальные предпосылки для объединения всей страны, и это самая большая наша победа.

Это была радостная новость.

Комитет по культурным связям выделил для «Огонька» две машины «ГАЗ-69».

— Девятьсот километров до Дананга и столько же обратно. Дорогу № 1 выдержит не всякая машина, кроме советской. Ваши «газики» называют у нас стратегическими машинами.

Наконец мы трогаемся в путь.

ДОРОГА № 1

Эта дорога мчится на юг почти параллельно берегу моря. Иногда, взлетев на очередной перевал, мы видим безбрежную синь. Чаще о близости моря только догадываешься по песчаным холмам, что дыбятся слева.

Прибрежная полоса — зона рисосеяния. Крошечные поля — иногда в де-

ОТ РЕКИ БЕНХАЙ

сятки квадратных метров — недавно освободились от летнего урожая и готовились принять рис, который будут убирать в ноябре.

К обеду второго дня пути, попетляв по песчаным холмам, поросшим казуариновым деревом, дорога № 1 вдруг выскочила на последний косогор, поднимавшийся над долиной реки Бенхай, и отсюда, сверху, мы увидели бесконечную зелень рисовых полей и среди них, далеко-далеко, на двух высоченных мачтах развевающиеся флаги ДРВ и РЮВ: красное полотнище с золотой звездой в центре и красно-голубое с такой же звездой.

— Это и есть Бенхай,— сказал наш переводчик Бай.— Флаги установлены по берегам реки, прямо у въезда на мост.

Прошло еще четверть часа, прежде чем наши машины уперлись в бамбуковый шест, выполнявший роль шлагбаума. Северовьетнамский военнослужащий с автоматом через плечо, просмотрев наши документы, попросил подождать и ушел в одноэтажное здание контрольно-пропускного пункта.

Задыхаясь под раскалившимся брезентом, мы поспешили выбраться из машин на дорогу, ближе к казуариновым деревьям, но прозрачная кисея их хвои почти не давала тени.

Несколько крестьянок с коромыслами через плечо прошли с какой-то поклажей в плетеных корзинах. По ту сторону шлагбаума ближе к реке в тени трех автобусов Павловского автозавода молодые ребята в защитного цвета форме ожидали, пока закончатся формальности с их документами. Они прибыли с Юга.

Мы подошли, разговорились. Их командир, представившийся врачом-хирургом, сказал:

— Войне конец... Теперь по домам.

— Долго вы ждали этот день?

— Я лично уже двадцать лет в армии. Ушел воевать таким, как они сейчас.

Из солдатских рюкзаков, брошенных на сиденья и висевших у окон, торчали огромные пластиковые куклы.

— Везут своим сестренкам в подарок,— сказал хирург.— У нас на Севере таких нет.

Ребята вокруг засмеялись: всякое упоминание о скорой встрече с родными им было приятно.

Возле КПП, у окошка, небольшая очередь. Водители подают документы сидящему внутри служащему. Что-то отвечают на его вопросы. Получают документы обратно. И направляются кто к мосту, кто на север. И все так буднично и обычно, даже не верится, что мы на берегу Бенхай, той самой реки, которая долгие годы делила страну на две части.

Нас пригласили в здание. В центре просторной комнаты с настежь открытыми окнами и дверями, с пропеллером-феном под потолком, стоял круглый столик с чашечками для традиционного зеленого чая. Полковник Во Хак Шау, командир КПП, готов был ответить на наши вопросы.

— В 1954 году, после подписания Женевских соглашений, здесь была установлена демаркационная линия, временно разделившая страну. На 1956 год были назначены общевьетнамские выборы, которые должны были определить судьбу страны. Все верили: родина станет единой. Империалисты сорвали выборы. На Юге началась иностранная интервенция... Но родину нельзя разделить на части. Мы это доказали двадцать одним годом борьбы.

Он отдал военной службе полжизни. Служил в других местах, последние десять лет — здесь. Чем запомнилась служба? Полковник задумался...

Вьетнамцы, мы заметили, не очень склонны рассказывать о себе. Наш вопрос был нелегок: как рассказать в двух словах о бесконечных годах войны, бомбежках, обстрелах, гибели людей? Как рассказать о том тяжком времени, которое ушло, но следы его еще здесь, рядом? Где еще, как не тут, на берегах Бенхай, лучше увидишь, что принесла Вьетнаму героическая победа его народа.

— Да,— говорит полковник.— Мы завоевали победу. С каждым днем растет поток людей и грузов через Бенхай. Едут друг к другу родственники, разлученные войной, возвращаются домой солдаты, на Юге голодно, и через наш мост проходят автомашины с рисом из ДРВ. Пока наш КПП существует. Думаю, скоро его не будет.

Нашими попутчиками оказались двое ребят — шестилетний Туан и первоклассник Кионг. Разговорившись в дороге, узнаем, что мальчишек везут погостить к дедушке, в деревню под Дананг. Двадцать лет назад их отец вместе с патриотами ушел на Север в надежде на скорое возвращение. В Ханое он окончил институт, стал дипломатом, женился, у него родились два сына. Все это время ничего не знал о судьбе родных на Юге. И только этой весной, после бегства сайгонцев из Дананга, смог поехать в свою деревню. Он с трудом разыскал отчий дом, родители не узнали его. Сначала он расспрашивал их о сыне, который вроде бы пропал в 1954 году, и, когда в их рассказе все сошлось, назвал себя.

Так уж совпало, что к берегам на Бенхай мы приехали в воскресенье 22 июня. Для нас, советских людей, эта дата навсегда останется в памяти как начало самой жестокой в истории войны. Мы спросили полковника, что говорит ему эта дата.

— В этот день, 22 июня 1941 года, фашистская Германия напала на вашу страну. А в мае сорок пятого вы принудили ее к капитуляции. Потом была разгромлена и Япония. В свое время президент Хо Ши Мин, называя причины победы нашей Августовской революции 1945 года, подчеркивал, что разгром Советской Армией гитлеровских фашистов и японских милитаристов явился фактором, больше всего содействовавшим нашей победе.

В ДАНАНГЕ

Еще в Ханое нам советовали не припозднятся в дороге и приезжать к месту ночлега засветло. Дороги небезопасны. Бывали случаи обстрела автомашин, бывали нападения: еще бродят по лесам сайгонские офицеры, не сложившие оружия, так что лучше не испытывать судьбу.

А мы и не испытывали. Просто гвоздь на дороге, пропоров шину, отнял у нас полчаса. Пока меняли колесо, день почти без сумерок сменился ночью. Зато наш вынужденный риск был вознагражден феерическим зрелищем: с перевала перед нами распахнулось мерцающее море огней. Они уходили куда-то вдаль и терялись, будто спускаясь по ту сторону горизонта.

— Дананг? — спрашиваем переводчика.

— Нет. Залив. Это рыбаки вышли на лов.

До города и вправду был еще час езды.

Он встретил нас криком и шумом. Двери лавок, магазинчиков, харчевен, баров были распахнуты настежь. Гомонящая толпа заполняла улицы, оглушенные сигналами автомобилей и ревом мотоциклов.

В холле первого этажа нашего отеля с зеркального стекла все еще не стерто расписание авиарейсов между Данангом и Сайгоном. В последнюю неделю марта самолеты уходили дважды в день. Аккуратный хозяин-китаец заботливо оповещал клиентов не только о времени отправки и прибытия самолетов, но и времени отъезда в аэропорт специальных автомашин. Часы и минуты бежали колонками вниз, пока не уперлись в край стекла: последняя дата была 29 марта. В этот день в город вошли танки патриотов.

Бывшие хозяева города чувствовали себя в Дананге не очень уютно: спирали колючей проволоки и по сей день торчат перед входами баров, ресторанов, кафе, у фасадов официальных зданий, на заборах, их окружающих. И все-таки проволока не спасла. Бегство сайгонской армии было стремительным. Очевидцы рассказывают, что, не сумев пробраться на отходящие морские суда, южновьетнамские солдаты тут же на берегу сбрасывали с себя одежду и обувь, надеясь, что так будет легче затеряться среди гражданского населения. Теперь их гимнастерки и брюки, солдатские ботинки, фуражки и брезентовые пояса продаются на дешевом рынке Хан.

Даже нам, «вступившим» в Дананг чуть ли не через три месяца после его освобождения, достались «трофеи». В одном из номеров гостиницы в ящике письменного стола лежала полиэтиленовая бутылочка с ружейным маслом, давший осечку патрон от «кольта» 45-го калибра и эмалированная армейская чашечка в бело-зеленых камуфляжных разводах. Бросить пиалу-кормилицу можно только в панике.

...Народная власть встретилась с проблемами, которые ей достались в наследство от старого режима. В их сложности мы убедились, встретившись с господином Фан Хаем. Один из заводов фирмы, которую он представляет, пущен в мае 1973 года на окраине города. Держится господин Фан Хай просто и одет, как простой рабочий: ситцевая рубашка, хлопчатобумажные брюки.

— Когда армия Освобождения приблизилась к городу, мы думали, что в боях завод могут разрушить. Заготовили мешки с песком. Но все произошло так быстро, что завод совершенно не пострадал и из персонала никто не сбежал. Угроза пришла совсем с другой стороны. Обычную продукцию — кислород, ацетилен, сухой лед — выпускать стало невозможно. Под кислород не хватало стальных баллонов, сухой лед оказался ненужным рыбакам. Не хватает горючего, они не уходят далеко в море и привозят улов, не охлаждая. Для производства ацетилена не хватает сырья.

Но думаю, это трудности временные,— говорит Фан Хай,— скоро мы снова будем работать на полную мощность.

А потом без перехода, как сокровенную мысль, неожиданно сообщает:

— На Севере один мой родственник работает директором фабрики. Он мне написал, что с народной властью можно сотрудничать. Так что и я думаю найти свое место в жизни: производство я знаю хорошо.

«БРАТЬЯМ НАШИМ НЕТ ЧИСЛА»

Эти слова мы часто слышали во Вьетнаме.

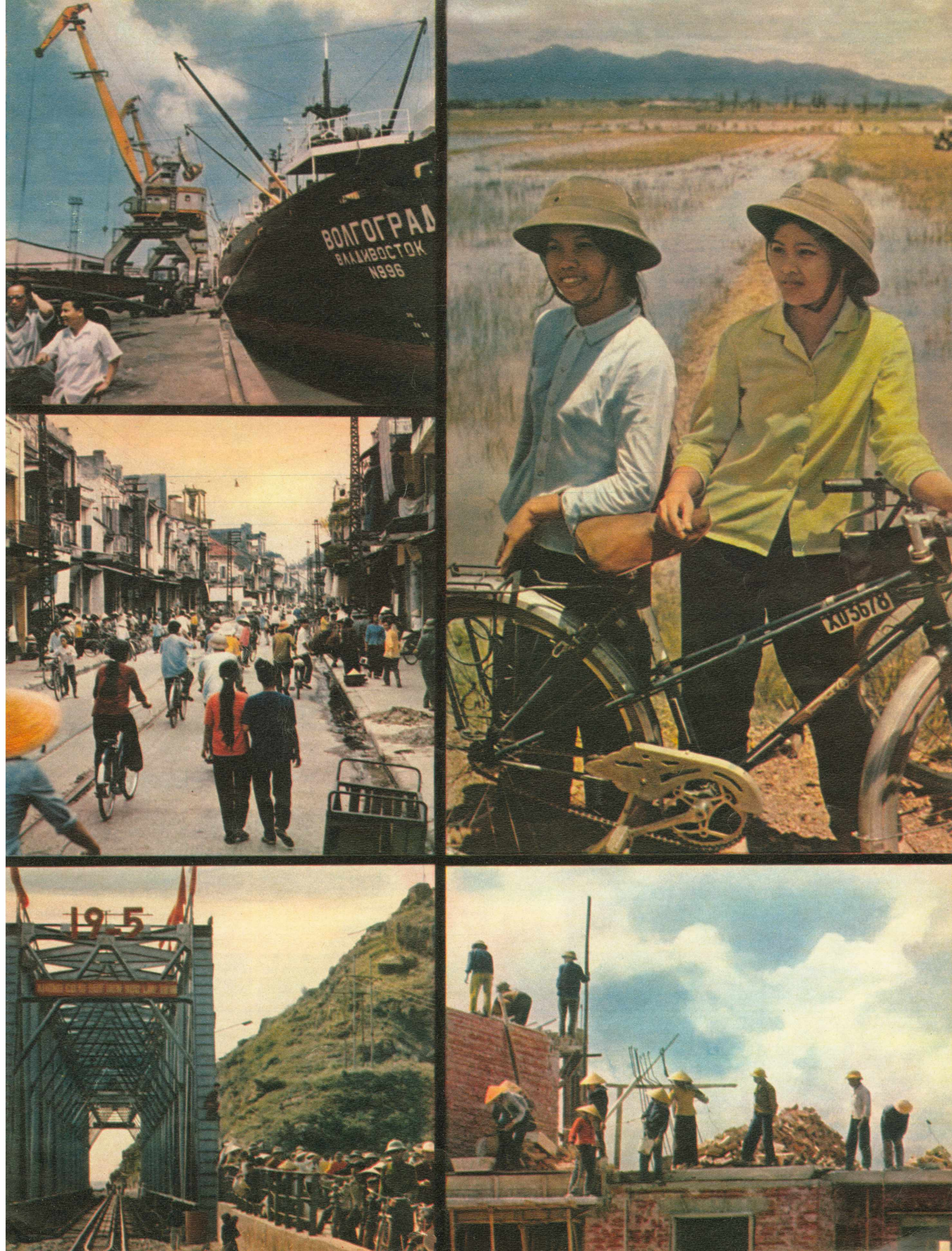
Дорога всегда богата неожиданностями, а дороги Вьетнама — особенно. Тут, за тысячи километров от дома, порой нам казалось, что мы вовсе никуда и не уезжали: мчались навстречу советские самосвалы, автобусы, «Жигули», «Москвичи». На стройках работали наши бульдозеры и краны, а с афиш кинотеатров смотрели герои, с которыми уже познакомились в Москве.

Удивительные встречи были у нас в пути.

У причалов Хайфона. * Улица Персиков — одна из самых оживленных в Ханое. * Мост через реку Ма — легендарный Хамжонг. * Участницы армейского художественного ансамбля Нгуен Тхи Минь Лап (справа) и Тхань Бинь. * Винь. Город-солдат стал городом-строителем. Растут жилые дома на проспекте Куангчунг.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Чан Ван Шинг и его помощник Фунг Дык Нгуен (слева) отлично освоили экскаватор, который прибыл сюда, в угольный разрез Деонай, с Урала. * Южный Вьетнам. Провинция Куангчи. Крестьяне вышли в поле. Не сеять, не жать — очищать землю от мин. * Восьмое чудо света — залив Халонг.

ВОЛГОГРАД
ВЛАДИВОСТОК
N996
XD5678
19-5

BAC HỒ

В данангском отеле тридцатилетний вьетнамец заговорил с нами по-русски. Оказалось, он режиссер, окончил наш ГИТИС. Защитил диссертацию на тему «Система Станиславского в традиционном вьетнамском театре». Сейчас он работает в Ханое и на Юг приехал с драматическим коллективом.

В гостинице маленького городка Тханьхоа — еще одна встреча. Молодой вьетнамец приехал сюда «из глубинки». Он переводчик у советских геологов, которые ищут в ДРВ нефть и газ. Он тоже учился в СССР.

Выпускников наших вузов, техникумов, училищ можно встретить на каждом крупном предприятии и стройке. И непременно увидишь там станки и оборудование, сработанные в Советском Союзе и других социалистических странах. Их помогали устанавливать специалисты из СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, ГДР.

Посланцев братских стран мы встречали повсюду. На дороге № 1 — кубинских шоферов. В Вине — инженеров и архитекторов из ГДР. В Хайфоне немолодой уже болгарин, специалист по керамике, рассказал, что работает на строительстве фарфорового завода, который возводится при техническом содействии Народной Республики Болгарии.

— Наша страна строит здесь более шестидесяти объектов,— сказал он.

В курортном городке на берегу залива Спящего Дракона, где торчащие из моря скалы поражают экзотической красотой, а вода на пляже — высокой температурой, мы неожиданно услышали:

— Добрый день, панове!

Вот так встреча! Из Москвы в Ханой мы летели с группой польских женщин и школьников-старшеклассников. И вот теперь, на пляже, встреча. Оказалось, они приехали во Вьетнам к своим мужьям и отцам, которые работают здесь.

А вечером мы были гостями польских специалистов и слушали их рассказы о Варшаве, Балтике и, конечно, о Вьетнаме. На берегу уютной бухточки, что соединяется с заливом узкой горловиной, там, где раньше были ананасовые плантации, по польскому проекту и при техническом содействии этой страны строится судостроительный завод «Халонг». Через несколько лет здесь будет спущен на воду корабль водоизмещением 1 100 тонн. Такие небольшие суда крайне необходимы для каботажного плавания. Береговая линия Вьетнама тянется на тысячи километров, и собственный морской флот поможет разрешить транспортные проблемы.

Польские инженеры имели за плечами немалый опыт строительства у себя на родине и за рубежом. Спрашиваем, как они объясняются со своими вьетнамскими коллегами.

— Да очень просто! Многие здешние рабочие стажировались на польских верфях — теперь они наши переводчики.

Из Халонга мы ездили на открытые разработки угля в Камфа, небольшой шахтерский городок в Хонгайском бассейне, откуда уголь экспортируется даже в Японию. По пыльной дороге наш «газик» долго ввинчивается куда-то вверх, казалось, под самые небеса. И вот, когда мы взобрались на самую вершину горы, с одной стороны открылся залив с бесконечной грядой островов и уютным городком на берегу бухты, с другой — циклопических размеров карьер, с глянцево-черным, в десятки метров толщиной угольным пластом. Мощные экскаваторы Уральского завода тяжелого машиностроения вгрызались в угольный пласт сверкающими челюстями многокубовых ковшей и, развернувшись, бросали добычу в просторные кузова «МАЗов».

Эта картина впечатляла. Но больше всего она поразила Дмитрия Бальтерманца. Он был в Камфа двадцать лет назад. Тогда, как он помнил, в карьере работали тысячи людей, выносивших уголь на коромыслах. Ныне с двумя десятками советских машин карьер казался пустынным, хотя добыча угля намного выросла за эти годы.

...Многострадальный Хайфон. Морские ворота республики, второй город страны. Сюда приходили корабли с грузами для сражающегося Вьетнама, сюда же везут они грузы для Вьетнама, восстанавливающего хозяйство. Самые частые гости — корабли с серпом и молотом. В день нашего приезда в Хайфон у причальных стенок стояли четыре советских сухогруза, а на подходе было еще несколько.

Мы побывали на «Волгограде», четырнадцатитысячетонном ветеране Дальневосточного пароходства, который не впервые приходит в Хайфон. На этот раз он привез арматурное железо, кокс, бумагу, муку.

Нас знакомили с цехами механического завода, рассказывали о славных делах рабочих, которые не покидали мест у станков даже во время жестоких бомбежек. Мы слушали, но глаза помимо воли все время отмечали: каждый второй станок — советский. По заводским маркам можно было составить карту станкостроительной промышленности СССР. И все это прошло через Хайфонский порт, через трюмы наших кораблей.

ТХАКБА СРАЖАЛАСЬ, ТХАКБА СТРОИТ

И вот пришло время возвращения домой. Но даже в самолете Вьетнам продолжал быть с нами рядом: из Ханоя в Москву летели советские специалисты. Тут на высоте в десять тысяч метров я познакомился с Борисом Григорьевичем и Элеонорой Федоровной Кутыриными, инженерами-энергетиками, которые возвращались домой со строительства электростанции Тхакба на реке Тяй. Рассказ Бориса Григорьевича оказался настолько интересным, что его продолжение я захотел услышать уже в Москве и встретился с Борисом Васильевичем Мельником, который руководил на строительстве ГЭС группой советских специалистов. Проработал там много лет и был награжден орденом Ленина и вьетнамским орденом Труда первой степени.

Привожу его рассказ.

— «Тхакба» — в переводе с вьетнамского означает «Бабушкин порог». Говорят, давным-давно в этом месте реку Тяй переплывал на плоту старик с женой. Дело было в паводок, плот перевернуло, и старуха утонула. На берегу по этому случаю построили пагоду, и потом уже каждый, кто отправлялся тем путем, бросал в воду у пагоды деньги. Когда мы стали отрывать котлован под здание ГЭС, то экскаватор накопал ведра три медных монет, некоторые относились к XIV—XV векам.

В 1962 году был готов проект гидроэлектростанции, выполненный Бакинским отделением «Гидропроекта». Строительство ее началось в 1964 году. Но через два года его пришлось законсервировать, а все оборудование эвакуировать в джунгли: во время американской агрессии против ДРВ стройку бомбили.

В 1969 году было решено возобновить строительство.

Хотелось еще до наступления паводков — в течение четырех месяцев — перекрыть реку. Иначе мы теряли бы год. Вьетнам послал сюда двенадцать тысяч рабочих-строителей, и нам вместе с вьетнамскими инженерами нужно было решать многие организационные вопросы. Хорошо, что триста вьетнамских строителей в течение трех лет проходили практику на Днепре, на Каневской ГЭС. Для других мы создали курсы подготовки, где обучали наиболее важным профессиям.

Мы все-таки перекрыли Тяй в намеченный срок. Второго сентября 1971 года первый агрегат в 36 тысяч киловатт дал ток. В марте 1972-го пустили второй. А 19 мая, в день рождения Хо Ши Мина,— третий.

Но через неделю после пуска пришел из Ханоя приказ: срочно эвакуироваться. Еще в апреле американцы совершили налеты на электростанции в Ханое, Хайфоне, Уонгби. Тревоги объявлялись и у нас. Сначала только днем—раз по пять, по шесть, потом стали будить и ночью.

Но вот и для нас наступил срок. 26 мая в пять вечера на 14 «газиках» мы двинулись на юго-восток. Обычно на 170 километров пути уходило четыре часа, на этот раз — 14. Мосты через реки были уничтожены, а на паромных переправах скопились сотни машин. Десятого июня полтора десятка американских самолетов подвергли Тхакба жестокой бомбардировке, рухнули стены и потолок машинного зала, выведя из строя два агрегата. Третий, заваленный обломками, продолжал работать еще часа два и остановился, когда кончился сжатый воздух и сработала аварийная система. Позже американцы вывели из строя и его.

Но Тхакба продолжала работать, помогая сражаться Вьетнаму. И было это большим секретом. Вьетнамские инженеры сумели из трех поврежденных агрегатов смонтировать один и пустили его по временной схеме. Он работал только ночью, утром воду перекрывали, и самолеты-разведчики, видя, что ниже плотины река не течет, докладывали: Тхакба уничтожена окончательно.

Еще до подписания Парижских соглашений в январе 1973 года ДРВ обратилась к Советскому Союзу с просьбой прислать специалистов на восстановление Тхакба, особенно тех, кто работал там раньше. И мы снова приехали... Два с лишним года напряженной работы — и в апреле 1975-го по постоянной схеме заработал один агрегат, десятого июля — второй, а второго сентября — в тридцатую годовщину провозглашения республики — даст ток третий.

Под мирным небом встречает Демократическая Республика Вьетнам свое тридцатилетие. И в первый раз этот праздник будет отмечаться, когда на всей территории Вьетнама не слышен грохот бомб и снарядов, когда землю эту покинул наконец последний иностранный солдат и народ покончил с марионеточным режимом на Юге.

И когда второго сентября праздничные колонны демонстрантов пройдут перед Мавзолеем Хо Ши Мина, их мысли будут обращены к созданной им партии коммунистов. Это она подняла народ против колонизаторов, возглавила борьбу за освобождение страны, руководила строительством социализма на Севере, сплачивала патриотические силы, сражавшиеся против американских агрессоров и их сайгонских приспешников, привела народ к победе.

Прошедшие тридцать лет были годами самоотверженного труда и жестоких сражений. Вьетнамский народ выдержал все и с честью завершил главное дело — освобождение родины.

Теперь перед ним встают новые, нелегкие задачи. Нужно восстановить хозяйство, укрепить экономику. Все это потребует немало сил и энергии, героизма и самоотверженности. И снова, как всегда, борьбу за построение нового Вьетнама возглавят коммунисты.

В своей многолетней борьбе вьетнамский народ всегда ощущал поддержку всего прогрессивного человечества, и в первую очередь государств социалистического содружества. И теперь, когда Вьетнам перешел к мирному строительству, верные интернациональному долгу социалистические страны снова протягивают ему руку искренней дружбы и бескорыстной помощи. Они верят: Вьетнам победил, Вьетнам победит.

Хо Дык Вай — Герой народных сил освобождения (Южный Вьетнам). * Электростанция близ города Винь действует. На ее территорию упало 78 бомб. * Это оружие побросали бежавшие в панике сайгонские солдаты. Крестьяне из деревни Тханьтан везут собранные ими трофеи в штаб, в Хюэ. * Советские тракторы на рисовых полях (провинция Нгеан). * Студентка. * Встреча на дороге.

У Нгуен Тхи Тхань Суан самая мирная профессия — строитель.

Сплав бамбука.

ЗДРАВСТВУЙ, ВИНЬ!

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Мне кажется, я знаю тебя давно, очень давно, город Винь. Тебя называют вьетнамским Сталинградом, городом-солдатом. Все это верно. И еще тебя называют Красным Винем.

Я иду по твоим улицам. Небо синее-синее, без единого облачка. Деревья, полные птиц. Смеющиеся глаза девушек. Деловито крутят педали бесчисленные велосипедисты. Улицы, где нет ни одного целого здания. Американская авиация буквально стерла Винь с лица земли.

— Все, что вы видите вокруг, появилось уже после войны, — говорят вьетнамские друзья.

Винь принял на себя первый удар агрессора. 5 августа 1964 года эскадрильи американских самолетов совершили первый варварский налет на мирный город. Полторы тысячи дней продолжались налеты, бомбежки. 4 357 налетов!

И все же город жил. Лежали в руинах дома, но люди работали и сражались. Давала ток электростанция. Спрятанные в укрытиях в разных местах, работали цехи механического завода. Действовала переправа.

Вот она, знаменитая переправа Бентхюи. Полдень. Солнце нестерпимо слепит глаза. Вода множит солнечные зайчики. Река называется Лам — синяя. Сейчас она мутно-рыжая. Недавно прошли дожди. Они наполнили до краев бесчисленные воронки, особенно густо усеявшие берег у причала. Из воды торчат изрешеченные осколками, пробитые снарядами ржавые бока старых паромов. С них сигают в воду проворные черноголовые мальчишки, рядом замерла от зноя стайка велосипедов. На них сохнут после стирки защитные солдатские рубашки. Их владельцы ждут парома. Вместе с ними ждут «МАЗы», доверху нагруженные какими-то мешками. Что в них!

— Кубинский сахар, — отвечает шофер.

Рядом с грузовиками три новеньких ярко-желтых грейдера. Наши, советские. Вот, наконец, и паром причалил к берегу — здоровая железная посудина, которую толкает приткнувшийся сбоку катерок. Два паромщика в аккуратной бежевой форме командуют скопищем машин, велосипедов, людей. Взмах руки с флажком — и на берег гуськом съезжают грузовики, автобусы, велосипедисты ведут своих двухколесных коней.

Еще один взмах флажка (четкий, красивый жест, как у дирижера) — и на паром

въезжает новая партия путешественников. Удар гонга — и этот Ноев ковчег отчаливает.

А мы идем в домик к начальнику переправы. Собственно, это даже не домик, а похожая на большую корзину плетенка из тростника. Внутри полумрак. Стол, пара скамеек. Сквозь дырочки в стенах солнечные лучи острыми спицами пронзают клетушку. Ветер шевелит на крыше сухие пальмовые листья. В маленьком окошке — ребячьи головы. Ребят отгоняют, но через минуту они появляются снова.

Нгуен Ким Зао — так зовут начальника переправы — начинает свой рассказ.

— Мне 34 года. Сын солдата и крестьянки из Нгеана. Здесь я с 66-го года. Во время войны переправа действовала только ночью. Я водил катер с шести вечера и до пяти утра — пока темно. Сколько удавалось сделать рейсов за ночь? Не знаю, не считал. Что я видел за эти девять лет? Думаете, ничего, кроме своего катера и парома? Нет, я видел такое, такое... — Он ищет слова и не находит.

Все и так понятно, Зао. Ты видел войну. И не только видел, но сражался на самом переднем крае. Тогда, во время войны, дороги были фронтом. Особенно главная, дорога номер один, которая идет через Винь, через эту переправу. Потому и бомбили ее упорно, систематически.

— Да, бомбили сильно. — Нгуен называет типы самолетов, вес бомб, типы мин, ракет. — Особенно много здесь было сброшено магнитных бомб. Помню, за одну ночь я насчитал 105 штук. Эта такая бомба с хвостом, похожим на вентилятор, и взрывается она, если над ней появится металлический предмет. Так вот из этой сотни тридцать штук нам удалось взорвать, а остальные стерегли мой катер и паром на дне реки. У переправы скопилось много машин. Каждую минуту могли снова прилететь самолеты. Времени не было, и я повел паром. Пока добрались до противоположного берега, восемь бомб взорвались совсем близко. Но паром, к счастью, уцелел. Видите, какой я везучий.— Он смеется. Смеется и не говорит, что трижды был контужен, что здесь, на переправе, была ранена его жена Ле Тхи Винь.

— Она работала на переправе вместе со мной. Мы познакомились в армии. Она тоже была солдатом. Днем мы с женой уходили домой — наш дом в трех километрах, а вечером сюда.

Пять лет назад у нас родилась дочка, а через два года сын. Жене пришлось эвакуироваться с ребятишками. Я получал от нее письма — маленькие листочки, где всего несколько слов: мол, живы, здоровы. Мне больше ничего не надо было.

А ту ночь я, знаете, почему запомнил? На другой день — это было 23 сентября 1968 года — меня приняли в партию...

Простившись с ним, мы отправились на электростанцию.

«Здравствуйте», — по-русски приветствует нас первый встретившийся рабочий.

Снаружи здание кажется безжизненным — так сильно оно разрушено. Развалины уже успели зарасти буйной тропической зеленью. Сквозь оконные проемы видны рухнувшие перекрытия, полуобвалившаяся лестница. Мы поднимаемся по ней. Поворот — и перед нами ничего нет, только небо, перечеркнутое искореженными стальными балками.

— Здесь был пульт управления, — говорит Тхай Ван Туан, главный инженер и заместитель директора электростанции. — Нас бомбили 297 раз. Часть оборудования удалось вывезти и рассредоточить в окрестных селах. Там и продолжали действовать дизельные установки, чтобы дать ток близлежащим деревням. Наша станция была построена по советскому проекту при участии ваших специалистов. Советское оборудование очень хорошее, надежное. Никаких аварий. Перед самой войной, в 1964 году, нам было вручено переходящее Красное знамя.

Тхай Ван Туан получил диплом инженера в Венгрии.

— Теперь у нас есть и свои инженеры. Многие из них учились в Советском Союзе, в Польше и Чехословакии.

— А что нового в Одессе? — неожиданно по-русски вступил в разговор Фам Ван Лап. Он оказался выпускником Одесского политехнического института и уже два года работает здесь, на электростанции. — Вернетесь на родину, передайте мой привет Лене Дубовому, — просит Фам. — Леня работает в Запорожье на трансформаторном заводе. Это институтский друг, вместе в общежитии на улице Шевченко жили, в одной группе занимались. Нас из ДРВ было в институте 120 человек.

Сердце станции — турбинный зал. Он сильно разрушен: одной стены наполовину нет, на том месте, где должна быть вторая турбина, темнеет провал.

Знакомимся с начальником группы ремонта турбин Чыонг Куанг Тхамом.

— Товарищ Чыонг Куанг Тхам — государственный человек, депутат Национального собрания, — представляет рабочего главный инженер.— Он Герой Социалистического Труда ДРВ, и его уже второй раз избирают в парламент республики.

— Вы видели лозунг на здании нашей электростанции? — спрашивает товарищ Тхам. — «Людям нужно электричество, как человеку нужна кровь». Мы ни на минуту не забываем об этом...

Ровно гудит турбина с маркой «Электросилы». Отсюда идет ток к станкам, в дома, на поля, на стройки.

А вот и самая большая стройка города — квартал Куангчунг. Самый главный тут человек — архитектор Нгуен Тхе Куа — начальник городского стройуправления.

Товарищ Куа и его коллеги сдвигают на край длинного рабочего стола горы синек, рулоны чертежей, чтобы освободить место для чаепития — без этого во Вьетнаме не обходится ни один разговор.

Из окон видны новенькие пятиэтажные корпуса. В простенке — белые цветы у бюста Хо Ши Мина и крохотное мандариновое деревцо с оранжевыми плодами. На стене лист ватмана. Четкими чертежными буквами тушью написано по-вьетнамски и по-немецки: «22.X.1973 года заключено правительственное соглашение между ДРВ и ГДР о сотрудничестве в области строительства».

Мы видим, как строки этого соглашения воплощаются в жизнь — уже стоят шесть жилых корпусов с веселыми голубыми балконами.

— Скоро закончим еще два, — рассказывает архитектор. — Уже заложены фундаменты второго микрорайона. По плану здесь, в Куангчунге, будет 42 жилых дома, 6 детских садов, школа, торговый центр и гостиница на 300 мест.

Все это будет построено в городе, где сегодня почти в каждом дворе воронка от бомбы. Их не сразу и распознаешь — прудик и прудик, такие во Вьетнаме у каждого дома. Края воронок заросли травой, а в середине ребятишки ловят рыбу красивыми плетеными корзинами.

— Современное благоустроенное жилье получат двадцать тысяч человек, — продолжает Нгуен Тхе Куа. — Все это только начало. Сейчас в ЦК обсуждается генеральный план застройки Виня. Он рассчитан лет на 15—20.

— Давайте совершим воображаемую прогулку по городу будущего, — предложили мы.

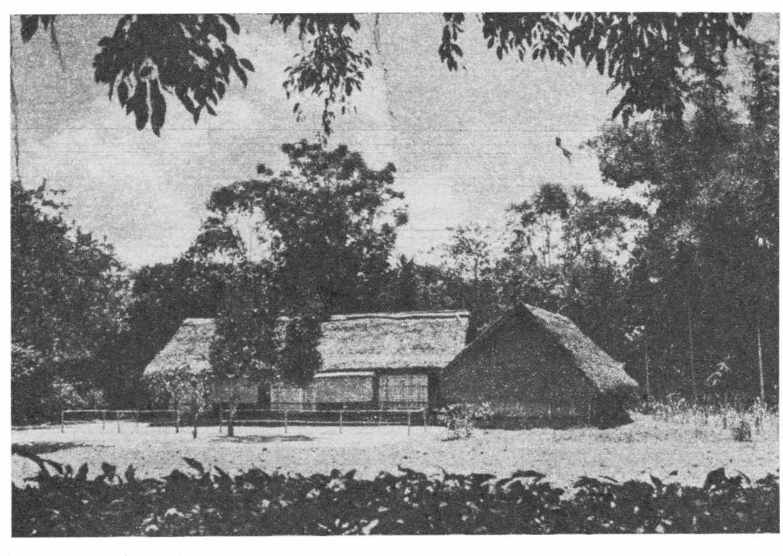
— Ну, что ж, попробуем. Начнем с центра. Пройдемся по улицам, застроенным 12-этажными домами. Одна из них приведет нас на площадь Победы — самую главную в городе. Постоим здесь, посмотрим на памятники, запечатлевшие страницы нашей борьбы. Куда теперь? Может, в парк? Их будет много в Вине, с тенистыми аллеями и яркими клумбами. А может, отправимся на берег моря, где поднимаются корпуса домов отдыха и туристических баз? Или поедем в порт встречать корабли из дальних стран?

Воображаемая прогулка не фантазия. Это завтрашний день Виня.

— Не так давно слова «победа» и «мир» звучали для нас в будущем времени, — говорит архитектор. — Теперь это уже настоящее время. Еще много трудностей, многого не хватает, но у нас есть главное — наша победа, наша решимость, наши друзья. «Мы отстроим нашу страну еще лучше, еще прекраснее». — Голос его звучит торжественно. — Знаете, чьи это слова? Хо Ши Мина. Здесь, на земле провинции Нгеан, он родился.

Полчаса езды по дороге Винь — Долыонг, и мы в деревне Кимлиен. Скромный деревянный дом под соломенной крышей. Здесь все так, как было в годы детства этого замечательного человека. Стол, полка с книгами, гамак. Кажется, откинется циновка, заменяющая дверь, и в дом войдет мальчик в курточке с застежкой на боку, с бритой головой. Тогда его звали Нгуен Шинь Кунг. Пройдут годы, и мир узнает другое имя этого человека — Хо Ши Мин, имя вождя вьетнамской революции, выдающегося деятеля мирового и коммунистического движения. Сорок пять лет тому назад Хо Ши Мин создал Коммунистическую партию Индокитая, впоследствии Партию трудящихся Вьетнама. Тогда же здесь, в Вине, на земле провинций Нгеан и Хатинь, родились Советы — первые органы народной власти.

Советы просуществовали недолго, несколько месяцев, но вошли в историю Вьетнама как репетиция Августовской революции. Потому и называют Винь красным.

На родине Хо Ши Мина.

Нгуен Ким Зао, начальник переправы Бентхюи.

БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ ПОКОЛЕНИИ

Н. АЛЕКСАНДРОВА

Если бы я был птицей, я был бы голубой птицей.
Если бы я был цветком, я был бы подсолнечником.
Если бы я был облаком, я был бы облаком белым.
Я — человек, и я умру за родину!

Эти слова из песни, которая родилась в сайгонской тюрьме Тихоа. Ее написал поэт и художник, революционер и солдат Быу Ти, с которым мы познакомились в Хюэ.

Незабываемый вечер. Даже у самых близких людей число ударов сердца в минуту неодинаково. А тут было так, словно сердца всех бились как одно.

— Сегодня к вам в гости придут поэты и писатели, — сказали утром вьетнамские друзья, которые встретили нас в Хюэ.— А жить вы будете в бывшем общежитии преподавателей университета, в квартире профессора, который бежал вместе с сайгонской армией.

— И много было таких?

— Нет, — ответили нам.— Большая часть интеллигенции активно поддержала народную власть. Это закономерно. Марионеточный режим Тхиеу вызывал ненависть всех слоев населения. Интеллигенция, студенческая молодежь постоянно выступали против репрессий, мобилизаций и бессмысленного кровопролития.

И вот наступил вечер. Его можно было бы назвать вечером стихов и красоты. Это не мои слова. Их произнес поэт Тхань Хай. Он открыл эту встречу и сначала представил наших гостей. Для многих из них мы оказались первыми советскими людьми, с которыми они встретились. Потому, должно быть, так крепко пожимали нам руки, так пристально смотрели глаза в глаза.

Мы не успели еще толком познакомиться, как ко мне обратилась красивая молодая женщина в голубом платье:

— Ты не могла бы спеть какую-нибудь вашу песню? Мне так хочется услышать песню на русском языке! Ведь я никогда не была в Советском Союзе.

Я растерялась, а все вокруг засмеялись непосредственности Ха Кхань Линь — это она ко мне обратилась. И как-то сразу сломался весь протокол. Все оживленно заговорили, единодушно принимая и поддерживая эту атмосферу дружеской откровенности.

— А я дважды был в Советском Союзе, — вступил в разговор писатель Хоанг Фу Нгок Тыонг. — И даже совсем недавно — в январе этого года, с делегацией деятелей культуры Южного Вьетнама. Мне очень понравилась ваша страна. Я оставил там половину своего сердца.

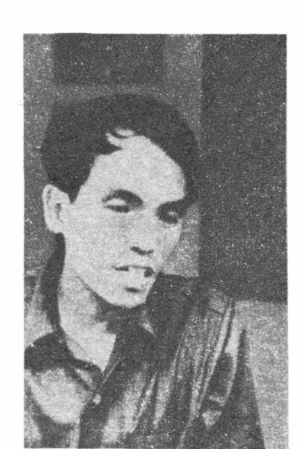
— Как же ты теперь будешь писать свои книги? — шутят его друзья. — Писателю нужно большое сердце!

— У наших поэтов много сердец, когда рядом друзья, — приходит на выручку Тхань Хай. — Ведь правда? — обращается он к нам. — Мы рады, что принимаем вас здесь, в Хюэ, на земле, которую называют землей стихов и красоты. Мы хотим, чтобы вы увезли из Вьетнама не только прекрасные пейзажи нашей родины. Мы хотим, чтобы вы почувствовали дух нашей борьбы. Вы ведь во Вьетнаме впервые?

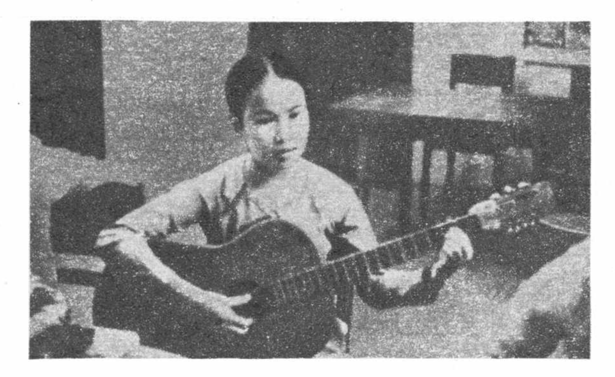
— Я был здесь двадцать лет назад, и вот доказательство, — говорит Дмитрий Бальтерманц, протягивая нашим собеседникам снимок президента Хо Ши Мина.

В ответ раздались аплодисменты. Все столпились вокруг фотографии. Для многих это исторический снимок. Они ведь еще совсем молодые люди! Но у каждого за плечами одна или две войны. «Мы — поколение борьбы», — говорят они о себе.

▲ **Перу Ха Кхань Линь принадлежат романы «Девушка Тхюи» и «Лицо».**

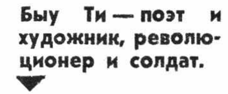
Хоанг Фу Нгок Тыонг дважды был в Советском Союзе.

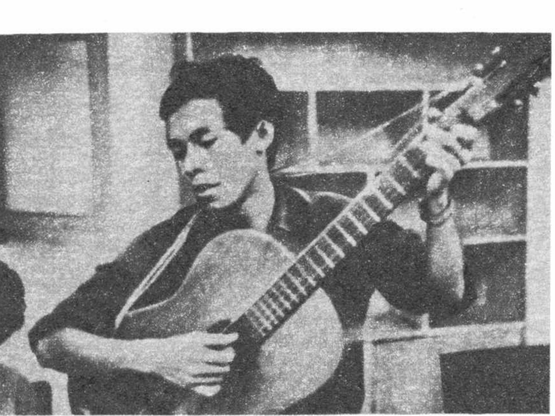
▲ **Поет Тхю Кук.**

Во Куэ читает свои стихи.

Быу Ти — поэт и художник, революционер и солдат. ▼

— Когда шли воевать, мы не были деятелями культуры, все были бойцами, — вспоминает поэт Во Куэ. — Вы знаете, что по призыву Хо Ши Мина весь вьетнамский народ поднялся на борьбу с захватчиками. Его слова «Нет ничего дороже независимости и свободы» вели нас в бой, были нашей клятвой и присягой.

И они остались верны этой клятве. Ничто не могло их сломить. Ни тюрьмы, ни пытки. Ничто! Они сражались. Оружием и пером. О себе говорят неохотно, очень скупо, сдержанно. Их биографии похожи — биографии одного поколения.

Во Куэ 27 лет. Родился и вырос в этом городе. С четырнадцати лет участвовал в движении против Нго Динь Дьема. Работал в газете и в Союзе студентов. За выступления против режима Тхиеу в 1972 году был арестован и брошен в тюрьму на острове Пуло Кондор.

— Да, да, ту самую, где «тигровые клетки», — кивает головой Во Куэ. — Там меня продержали год. Мне он показался вечностью. В тюрьме я продолжал писать стихи.

И он читает одно из них. Оно посвящено самым юным узникам Пуло Кондора — детям.

— В 1973 году мне удалось вырваться из тюрьмы, и друзья помогли перебраться в один из освобожденных районов. После победы вернулся в Хюэ. Больше мне нечего рассказывать, — заключил Во Куэ. — Лучше послушайте еще одно стихотворение, тоже написанное в тюрьме.

Откинув голову, он начинает читать. Пожалуй, это больше похоже на песню. Она звучит все шире, захватывая слушателей. Переводчик шепотом переводит мне слова.

Поднимаю глаза от блокнота и вижу в окне две головы в защитных касках. Лунный свет играет на вороненых стволах автоматов за спиной у солдат, что подошли послушать песню. Это сменились часовые у ворот нашего дома. Армия поддерживает порядок в городе. Война окончена, но нужно быть бдительными.

Наша беседа продолжается. слово берет Ха Кхань Линь. Она родилась после Августовской революции, работала журналисткой в Сайгоне. С 1966 года — в джунглях воевала и писала. Я смотрю на эту маленькую, хрупкую женщину, на ее нежные руки с тонкими запястьями и пытаюсь представить, как они держали оружие...

— Еще во время войны в издательстве «Освобождение» вышел

мой роман «Девушка Тхюи», — рассказывает писательница, — скоро появится второй роман — «Лицо».

— О чем он?

— О политической и вооруженной борьбе в Сайгоне и Хюэ. Эпилог моей книги дописала сама жизнь — сегодня над этими городами реют флаги освобождения.

— А теперь, — предлагает Тхань Хай, — пусть Тхю Кук вам споет.

Тхю Кук — студентка музыкального училища. Совсем юная. У нее платье цвета рисовых полей и коса чуть не до пола. Она берет гитару, раздаются призывные маршевые аккорды. Голос у Тхю чистый и красивый.

— Как называется эта песня?

— «Вперед, Южный Вьетнам!».

— Когда ты ее исполнила в первый раз?

Тхю смущается:

— Сегодня. Жаль, что у меня нет с собой народного музыкального инструмента чань. У него 16 струн, и под аккомпанемент чаня так хорошо звучат наши народные мелодии.

— Дай-ка мне гитару, — обращается к певице молодой человек в защитной куртке. Это Быу Ти, автор песни, слова которой я привела вначале. Он перебирает струны гитары и рассказывает:

— Больше всего на свете я люблю рисовать и петь. Но на это мне всегда не хватало времени. Я был секретарем Союза студентов в Хюэ. Меня арестовали в апреле 1972 года и отправили в тюрьму Тихоа в Сайгоне. Самый счастливый день в моей жизни — 30 апреля 1975 года. В этот день в Сайгон вступили части армии освобождения, и я вышел на свободу... На прощание, — продолжает Быу Ти, — я спою вам песню, которую любили слушать мои товарищи по камере. Это песня о матери. В ней говорится о женщине с седой головой и морщинистыми руками, которая приходит в тюрьму, чтобы передать рис своему сыну, который томится в застенке.

Он поет, и я вижу тюремный двор — бетонный колодец, опутанный колючей проволокой, белый от нестерпимого полуденного солнца, фигуры тюремщиков в высоких шнурованных башмаках, с американскими карабинами поперек живота и старую крестьянку с коромыслом на плече. Вьетнамская мать... Сколько их, этих женщин с натруженными руками, с выдубленными солнцем лицами, встречали мы на дорогах! О них эту песню сложили сыновья.

— Да, мы счастливы и горды, что в великой победе нашего народа есть и наш вклад, — говорит Тхань Хай. — У нас много трудных дел впереди, — продолжает он. — Надо восстанавливать хозяйство, разрушенное многолетней войной, надо воспитывать людей. Мы знаем, что эти задачи не легче тех, которые мы решали в дни войны. Ленин говорил, что труднее удержать власть, чем ее взять. Но мы справимся! Мы отдадим этому все свои силы, весь свой талант. У нас появятся новые книги и песни, как и у вас после войны. Нам есть о чем писать и что воспевать. И я хотел бы от нашего имени пожелать через «Огонек» всем советским людям успехов и счастья! Мы благодарны вашему народу за помощь во время войны. Мы знаем, что наши сердца всегда бьются вместе, и в дни сражений и в дни мира.

Иван ШАМЯКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

БРАЧНА

Хозяйка принесла табуретку для меня и хотела посадить ближе к «молодым», но полицай перехватил табуретку и втиснул ее между собой и неприметной худенькой девушкой с заостренным личиком и удивительно тонкими пальцами, казалось, такие пальцы никогда не знали никакой работы, хотя вообще вид девушки был простой, явно деревенский, и платье на ней было простенькое, будничное. Она будто была испугана чем-то и явно обрадовалась, когда рядом с ней села я. Вскоре я поняла, чему она могла обрадоваться. Наливая мне водки, полицай незаметно и ловко обнял меня за плечи, а потом ощупал ногу. Знакомые движения: так полицейские не раз обыскивали меня на постах. Было противно. А за такое за столом стоило бы ударить по морде. Но я должна была благодарить его.

— Благодарю, пан начальник.

— Мое имя Яков Рыгорович. А твое — Валя? Валя, да? — недобро, хитро, как бы проверяя, переспросил он.

Степан, видимо, увидел, какую волю он дает рукам, и услышал его слова, поэтому сказал громко, смеясь:

— Яков Рыгорович, Валя, женат, так что можешь не бояться его. Он человек смирный.

— Не слушай его, Валя, только женатых и надо бояться. Холостые, они как телята. Как твой брат до сегодняшнего дня. Сколько раз я хотел его свести с девчатами — отбрыкивался, боялся. Удивляюсь, как Маше удалось обратать его.

— Что есть смирный? — спросил машинист. — И что есть обратать?

Маша долго переводила эти два слова, сто слов потратила, чтобы растолковать их смысл.

За столом, напротив меня, сидели два парня, чем-то неуловимо похожие на Степана и один на другого. Как братья. Оба блондины, плечистые и как-то спокойно-уверенные. Мне они понравились, особенно когда я увидела, как один из них блеснул глазами на полицейского, когда тот лапал меня, — пренебрежительно, с ненавистью. Так же спокоен был и Степан. Его спокойствие передалось мне. Улыбкой я заверила его, что мне все ясно и я сумею поддержать их игру.

Маша не казалась мне такой спокойной, она была возбуждена. А может быть, невесте и надо быть такой? Нет, я заметила: ей хочется следить за мной так же, как следила хозяйка, — глаз не отводила. Но Маше мешал охмелевший немец — пан Кольман, он то и дело обращался к ней, и ей подолгу приходилось объяснять ему, с трудом подбирая слова. Иногда ей помогал Степан. Изредка, когда немец не понимал ее и Степан не мог помочь, тогда они обращались к машинисту, отрывая его от закуски; Фойт мало пил, но удивительно много ел, беспрерывно жевал, не спеша, старательно. Говорил он по-русски плохо, но все понимал, так что переводил легко, не задумываясь, и намного короче, чем это делала Маша, — скажет три слова, и Кольман кивает головой: понято.

Стол был богатый, по военному времени прямо-таки царский. Хватало и выпивки и закуски. Стояла немецкая водка в красивых бутылках и мутноватая самогонка в графинах. Была ветчина, колбаса, пшеничные пампушки, политые маслом, салаты из огурцов и лука со сметаной и просто огурцы — натуральные, молоденькие, свеженькие, наверное, прямо с грядки. Давно я таких лакомств не только не пробовала, но и не видела. Есть мне хотелось, и я могла бы хорошо поесть, так как немцы и «молодые» занялись своими разговорами и вроде бы забыли обо мне. Могла б... если бы не полицай-сосед и не Христина Архиповна. Они не забывали. Они все свое внимание уделяли мне. Я не знала, куда скрыться от их глаз и... от его рук.

Полицай потребовал выпить штрафную, тыкал рюмкой в лицо и лез ко мне со своими лапами. Было так противно, что я начала бояться за себя — не выдержу.

Степан, видимо, заметил это и деликатно обратился к нему:

— Яков Рыгорович, не спаивайте мою сестру.

— Есть тост, — сказал полицай. — Выпьем за наших сестер, которые приносят нам... — повернулся ко мне и спросил: — Что ты приносишь брату? Сало или мины? — и захохотал.

— Шутник вы, Яков Рыгорович. — Степан тоже засмеялся. — У вас есть сестры?

— О, минен, — грустно вздохнул машинист, вспомнив, очевидно, сколько эшелонов летело под откос.

— Есть.

— За ваших сестер выпьем, — предложил Степан.

— Нет, за моих сестер не будем пить, — строго приказал полицай. — А за твою сестру выпью. За то, что пришла к тебе. Не побоялась. Мои не приходят. Мои и на похороны мои не придут...

Он опрокинул большую стопку и снова уставился на меня, потребовал:

— Выпей.

Я была вынуждена глотнуть водки, она обожгла мне все нутро.

Выслушав перевод, поднялся Кольман и начал говорить, размахивая вилкой.

Маша переводила его:

— Пан Кольман предлагает выпить за невесту. За меня. Пан Кольман говорит, что за десять дней моей работы на диспетчерской товарной станции они, немцы, полюбили меня. Что я не похожа на русских... что русские так не умеют работать...

Тут его перебил Фойт, сказав, что умеют работать и русские, и привел в пример Степана.

Окончание. См. «Огонек» №№ 30—34.

Я НОЧЬ

Это Маша перевела. А потом долго не переводила, о чем говорили меж собой немцы. Я увидела, что один из парней — Толя — знает немецкий язык, но не выдает этого. Полицай улавливал отдельные слова.

— Верно! Немцы — великая нация. Они еще покажут культуру! — и вдруг гаркнул: — Хайль Гитлер!

Кольман удивился, посмотрев на него, должно быть, полицай выкрикнул некстати, но поддержал, выбросив руку над столом:

— Хайль!

А потом стал говорить о великой миссии арийской расы и о близкой победе. И о том, что он, Кольман, раньше, до приезда сюда, считал, что все русские одинаковы — фанатики и дикари, а тут понял: русские разные; есть среди них такие, как Маша, Степан, и что в этом нет ничего особенного — посмотрите на них (эти слова Маша с особенным усердием переводила), даже внешне они похожи на арийцев. Что он, Кольман, по внешности научился узнавать, который русский — друг, который — враг.

Тут даже полицай не выдержал, буркнул:

— Черта два их узнаешь! На лбу не написано.

А Фойт склонился над тарелкой и жевал ветчину с таким видом, будто у него болели зубы.

Кольман долго доказывал, что Маша и Степан — счастливые люди, что женятся они в знаменательное время, перед великими событиями, перед какими — то ли он не сказал, то ли Маша не перевела.

Как часто бывает у пьяных, немец забывал, о чем уже говорил, стал повторяться, толочь воду в ступе и никак не мог закруглиться, не мог вспомнить, чем надо закончить речь.

Ему помогли Толя и Виктор, они вдруг дружно крикнули:

— Горько!

Кольман удивился такому беспорядку, зло посмотрел на них, но парней поддержал Фойт, объяснив что-то по-немецки, и при этом смешно сморщился.

— Ой, горько... Горько!

Они встали, Степан и Маша. И тогда у меня впервые замерло сердце. Я забыла о хозяйке, о полицае. Обо всем забыла. Я только хотела увидеть, как они поцелуются.

Поцеловались они... как настоящие молодые, нежно и умело. Но главное, как она, Маша, смотрела на него перед поцелуем! Можно изобразить любовь, ласку, ревность, равнодушие. Но нельзя женщине сыграть страх за него — за мужа. Я знала этот страх, после той счастливой майской ночи он часто овладевал мной. И я прочитала женский страх за мужа в Машиных глазах. Покачнулась моя уверенность в том, что это конспиративная свадьба. Припомнились Володины слова: «Этот паровозник — хват. Возле него такой лакомый кусок близко не клади... Стащит...»

Представилось, как они целовались одни, может, там же, в шалаше, и кровь ударила в голову. «Неужели он такой? Нет, нет, не может быть. Он ведь честный, добрый».

Но как ни убеждала себя, что Степан не такой, легче от этого не становилось. От водки, еды, усталости, напряжения — ничем не выдать себя! — от сердечной боли кружилась голова, и лица плыли, как в тумане. Почему вдруг таким встревоженным оказалось лицо Степана? Посмотри сюда! Успокой меня без слов. Глазами я все прочту в них. Да не смотрел он так. Смотрел, но на полицейского. Гость этот почему-то больше привлекал его внимание. И все приобретало иной смысл. Какая мерзкая ухмылочка у хозяйки: обо всем знает, наверно, их тоже выследила. Долго молчала, старая, а тут вдруг разговорилась — свадебные поговорки припомнила. Но и поговорки показались двусмысленными.

А полицай, паскуда, лапал руками по моим коленкам. О, как хотелось схватить тяжелую бутылку и расквасить его поганую морду!

Все перемешалось в моей душе, в моей голове, и я плохо помню, кто еще что говорил. Но вообще-то такой пьяный шум, беспорядочный гомон и в спокойном состоянии запомнить невозможно. А в моем сердце... что там тво-

рилось? Помню, Толя читал стихи Есенина «Как жену чужую, обнимал березку».

«Как жену чужую...» Я это запомнила. Мне было действительно горько: «Кто же тут чужая жена?»

Кольман попытался исполнить немецкую песню, наверное, популярную в Германии, но песню никто не подхватывал. Он потребовал:

— Пойте!

Как наседка, стрекотала подвыпившая хозяйка, все ее смешило. Разговорился Фойт, хвалил Степана: отличный машинист, ему уже можно доверять паровоз. Доказывал это Кольману по-немецки, всем другим — по-русски, неимоверно коверкая слова не только русские, но и немецкие, так как Кольман тут же поправлял его.

«Кто же тут чужая жена?»

Противно, по всему телу пробегала дрожь, дышал в ухо самогонным перегаром полицай. Наверное, подумал, что и я пьяная, раскисла так.

— Как там наши?

— Кто?

— Партизаны,— только пошевелил губами.

Тут я встрепенулась. Возмутилась. Сказала во весь голос:

— Что это вы, дяденька? Я их в глаза не видела. От нас лес пятнадцать верст. А если они ваши, то идите целуйтесь с ними.

Полицай захохотал. А Степан погрозил мне пальцем, потребовав, чтобы я более вежливо разговаривала с гостем.

С этого момента я снова чутко прислушивалась ко всему, о чем говорилось за столом. И почти убедила себя, что свадьба конспиративная. Да ненадолго. Степан принес гитару, чтоб Маша спела, а перед этим он сказал Кольману, что тот не знает еще одной способности новой сотрудницы диспетчерской службы. Маша переводила эти слова с трудом, смеясь.

И гитара тут. И обожгла она мысль не менее больно, чем их поцелуй и страх за мужа, какой увидела в ее глазах. Маша долго перебирала струны, раза два начинала петь и прерывала пение. Потом запела старинную, никому не известную свадебную песню. Не песню, а плач, голошение:

Заплети-ка, подруженька,
Да мою косу русую!
Да вплети-ка, подруженька,
В мою русую косыньку
Еще сабельку вострую!

Странно, почему эти слова так взволновали меня. Просто, видно, нервы не выдержали. Я зарыдала. Встала, чтоб выбежать из-за стола, но полицай, как обручем, сжал мою руку.

— Чего заревела? Замуж захотела? — грубо пошутил он.

— Что с тобой, Валя?

Степан! Он не знает, что со мной? Его вопрос еще больше разжалобил меня. Хотелось биться лицом, головой о стол. Маша следила за мной. Со страхом и тоской. Я видела ее глаза. Она словно бы прощалась со мной перед смертью. Чьей? Но я не злилась на нее, это я хорошо помню. И на Степана я не злилась. Только смертельная тоска и отчаяние овладели мной. И желание умереть. Впервые возникло такое желание.

Что-то говорил Кольман. Но Маше было не до перевода. Как дети, успокаивали меня Толя и Виктор, робко, смущенно.

А Христина Архиповна подбежала ко мне, обняла, загородила от всех, даже прикрикнула:

— Чего вы прицепились к девке? От такой песни любая баба заревет. Выпило дитя, утомилось... Брат женится... Война идет... Пойдем, Валечка, полежишь, отдохнешь.

И повела меня в свою спальню. Там, укладывая на кровать, прошептала:

— Не горюй, дитятко, твое счастье впереди. Если оно есть у тебя, то не минует. Ох, чего только война не натворила!

Вскоре мне стало стыдно за свои слезы, за желание умереть. Партизанка называется! Появилось ощущение, будто я отступила, убежала с самого трудного поля боя. Но возвращаться назад, в зал, не хотелось, и, притихшая, утомленная дорогой — легко сказать, пятьдесят километров! — исстрадавшаяся душой, я... заснула. Когда разошлись гости, не слышала. Проснулась от тишины. Смеркалось. На улице перед домом росли липы, и в узкой комнатке было уже почти темно. Я испугалась: начался комендантский час, когда без ночного пропуска не пройдешь. А я засыпала и спала с мыслью, что мне надо скорее уйти отсюда. Мысль такая возникла не столько от обиды, сколько от уставного положения разведчиков: большой группой не ночевать в одном месте.

Хозяйка мыла на крыльце тарелки. Встречаться с ней не хотелось; странно, я чувствовала себя перед ней виноватой. Почему?

Неслышно прошмыгнула на кухню и заглянула в комнату Степана. Оттуда, с западной стороны, небо еще пламенело багрянцем, и в комнате было светло.

Они сидели там. Степан и Маша. Не как молодожены. Не в обнимку. За столом, напротив друг друга. Кажется, Степан что-то писал, так как сразу скомкал бумагу. Спросил:

— Отдохнула?

Я не ответила. Это их явно смутило. Странно, что такой говорун, как Степан, молчит, будто язык проглотил, и за столом он был не очень красноречив. Нерадостно на душе? Откуда ей быть, той радости?

Я спросила в упор:

— Зачем вам эта свадьба?

Маша посмотрела на Степана, ожидая объяснения от него, а он кивнул на открытое окно и таинственно прошептал:

— Тише ты.

Я подошла к окну, послушала, как бренчит тарелками и вилками Христина Архиповна, плещет водой. Крыльцо от окна вон где, с другой стороны. Кого он боится? «Просто не хочет отвечать»,— подумала я.

Захотелось сказать им что-то неприятное:

— Помогли б посуду старухе помыть. Господа.

На это они тоже ничего не ответили.

Тогда я сама высказала свое мнение о свадьбе — ударила безжалостно:

— Дерьмовые вы конспираторы. Провалите вы дело. Всякой сволочи наприглашали. Устроили театр...

— Валя! — с угрозой предупредил Степан. Подошел и закрыл окно. — Ты глупо ведешь себя. Распустила нюни...

Я огрызнулась злобно:

— Ты умник!..

Но тут же подумала: действительно, неуместно. Зачем нам ссориться? Что я докажу этим? Только унижу себя. В тот же миг я почувствовала особенную гордость. И вновь устыдилась слез своих. Поклялась, что больше не заплачу ни от какого горя, разве только от бессилия. Но бессильными нельзя быть в такой борьбе. Они гибнут, а мы должны победить. Нет, силы у меня хватит. На все.

Помолчав, я сказала:

— Поженились — живите. А я пойду.

— Куда?—Степан загородил мне дорогу.— Никуда ты не пойдешь! Ночь уже. Тут командую я.

— Эх ты, командир!

Обошла его и направилась к двери через кухню, все еще наполненную запахом свадебных блюд.

— Валя! — строго крикнул Степан, шагая вслед за мной.

Я поняла: не отпустит он меня. Не драться же нам у двери, при хозяйке. Да и у самой уже включились тормоза предосторожности: идти с моими сельскими документами в такое время — большая глупость, не они, а я могу провалить не одну себя. Да и собой не имею права рисковать! Завтра надлежит вывести людей в лес. И заменить меня некем, Павел Адамович сказал. Ускорила шаг, чтоб Степан не догнал меня на крыльце. Хозяйки не было — понесла тарелки в комнату. От крыльца я повернула не к калитке на улицу, а в сад.

Степан остановился.

Возле шалаша упала я на колени и полезла под брезент, в черную пропасть. Что меня потянуло сюда? Не знаю. Может, злость? На себя, на свою дурь. Тут, в собачьей конуре, была твоя свадьба, сюда и залезай со своим горем. Или назло ему, Степану, чтоб напомнить о том, что было между нами, и хлестнуть по глазам: пускай и ему будет больно, если есть совесть. А может, надежда не угасла, жила в подсознании: я твоя жена, и я иду на нашу брачную постель.

Не разобралась ни тогда, ни позднее, что привело меня в шалаш. Помню только, что не обрадовалась, а испугалась, когда услышала шаги Степана. Скорчилась, притаилась: неужели идет сюда? Нет, он остановился и долго стоял молча, я слышала его дыхание. Потом тихо позвал:

— Валя!

Я не отозвалась.

Еще раз позвал, приподняв брезент, наклонившись.

Я молчала.

Он вздохнул и пошел назад, в дом.

Пускай. Мне действительно не хотелось разговаривать, не хотелось даже слышать, что эта свадьба — обыкновенная маскировка. С безжалостной жестокостью к себе подумала: нельзя придавать так много значения своей персоне. Кто я такая? Незаметная связная. Худющая девчонка, на которую даже в отряде мало кто посматривал. И что же это со мной случилось? Случайно сошлась с парнем? Так хватит с тебя и этого. Стоит ли в такое время думать о чем-то большем? Вокруг рушится и ломается все, гибнут люди. И сама ты можешь погибнуть в любой момент. Так смешно же устраивать трагедию из-за того, что поломалась твоя короткая любовь. Она и не могла быть прочной в такое время. Недаром говорят: везет в одном — не везет в другом. Даже мысль о том, что они, возможно, лежат в брачной постели, не наполнила меня ни гневом, ни злостью. Мною овладела томящая слабость, будто я истекала кровью. Вспомнилась собака Пальма, которая была у нас перед войной. Однажды утром она не вылезла из своей конуры, как ни звали ее. Только глядела на всех грустными-грустными, даже не собачьими глазами, казалось, вот-вот из глаз этих покатятся слезы. Потом отец увидел, что ночью кто-то пропорол ей вилами живот. Так она и сдохла молча, не заскулив, не завыв. Меня словно бы тоже ранили в живот. Я почувствовала боль и зажала рану руками, кусая сухие, горькие, наверно, попала полынь, стебли травы. Жалости к себе не было, к себе я все еще была беспощадна. Но похолодела от мысли, что там, в теле моем, зародилась новая жизнь, а теперь она умирает, потому и больно так. Это испугало. Я не хотела, чтоб она умерла. Я хотела, чтоб она жила. Несмотря ни на что. Я просила ее остаться жить, воскреснуть в моем сыне.

Потом я не могла вспомнить точно: действительно ли болел живот, или просто мне казалось так. И не помню, сколько времени я лежала, слушая только себя и ничего больше, не думая даже о них и обо всем, что произошло. Встрепенулась от того, что кто-то залез в шалаш. Степан? Нет, голос Маши:

— Не спишь?

Я не ответила, но она, безусловно, слышала, что я не сплю. Может, я стонала от боли, а она стояла и слушала.

— Уже за полночь. В такую ночь не заснешь.

— Конечно,— сказала я.

— Ты не о том думаешь.

— Ты знаешь, о чем я думаю?

— Догадываюсь.

Она легла рядом, прижалась ко мне горячим телом. Казалось, что ее лихорадило. «Почему? — подумала я.— Испортила вам брачную ночь? Не обращайте внимания. Иди к нему».

Странно, ее близость успокоила меня. Теперь я прислушивалась не к себе — к ней.

— Уже за полночь,— снова сказала Маша.— Прошло больше двух часов, как стемнело. В Москве темнеет раньше.

О чем это она?

— Ты знаешь, сколько от линии фронта до нас? Ты знаешь, что там творится? Под Орлом и Курском.

Я знала, что там творится, но не об этом хотелось говорить с ней. Я снова спросила:

— Зачем вам эта свадьба?

Она хмыкнула.

— Ты не знаешь, зачем люди женятся, выходят замуж?

Она еще шутит! У меня вспыхнула та женская злость, какой я еще не знала. И я крикнула гневным шепотом:

— Он мой! Мой!.. Мы давно поженились. Неужели он не сказал тебе? Неужели ты не видела сама?

Она замолчала, только чаще задышала, потом отодвинулась от меня и притаилась так, что какой-то момент не было слышно ни дыхания, ни шороха сена под ее телом.

Подумала, что мои слова — тяжкий удар для нее, и порадовалась, что отомстила: пускай же и у нее не будет покоя и счастья.

Хюи Оань. ПЕСНЯ ДЛЯ СОЛДАТ.

Нгует Нга. В ДЕТСКОМ САДУ.

Но, помолчав, она ответила:

— Если твой — забери его, пристегни к юбке и води за собой. Если сможешь... Мой — твой... О чем ты думаешь, баба?

Я зашипела все с той же гневной злостью:

— А ты о чем думаешь? Ты не баба, ты культурная! Про одну ночь?

— Я? — Она вдруг снова придвинулась ко мне, навалилась тяжелым, горячим телом и зашептала в ухо:— Да, про одну ночь. Про эту ночь... Ты не знаешь, какая она будет. Подожди. Подожди немного.

Неужели готовится что-то необычное? А я, дура, живу только своими личными переживаниями. Стыдно. Но тут же появилась новая тревога.

— Где Степан?

— Ушел.

— Куда?

— На задание.

— На какое задание?

— Тише ты! Сама же говорила: все тут имеет уши.

Я замолчала, думая уже совсем по-другому о Степане: куда, на какое задание он пошел? Думала с новой обидой, с новой ревностью: почему я не знаю ничего, я имею право тут знать больше, чем она, Маша, вся его подпольная работа связана со мной. Но вспомнила, что он стоял тут, звал меня, может, хотел сказать, куда пойдет, а я не отозвалась, глупая, теперь корила себя. И за злые слова, что сказала Маше, стало неловко. Действительно, веду себя нелепо, не о том думаю, не о том говорю, не то делаю. Никогда со мной такого не было, почти два года все мои мысли, вся жизнь, каждый день и миг были подчинены борьбе с лютым врагом. А тут вдруг начала думать о себе, а не о жизни, не об опасности — о замужестве. Разве не позорно заниматься в такое время устройством своего благополучия? Но что сделаешь с глупым сердцем? Болит оно, ревнует. Если бы я могла ко всему относиться просто и легко, как умеет она, эта странная разведчица. А так ли уж легко она относится ко всему, как проявляла себя в дороге? На свадьбе сегодня она выглядела совсем другой — серьезной, сосредоточенной и... грустной.

О чем это она говорит? О своей работе в диспетчерской...

— ...Этот рыжий Кольман предлагал свою любовь... Любовь фашиста! Они еще смеют говорить о любви! Как я ненавижу их! Как ненавижу!.. Если б ты знала... если б ты знала, как это тяжело, мерзко, больно — так ненавидеть и работать с ними, улыбаться, выслушивать комплименты...

Это будто ответ на мой вопрос: «Зачем вам эта свадьба?» Поэтому я затаила дыхание, внимательно вслушивалась в ее горячий шепот и вновь почувствовала, что она дрожит, как от холода. Я инстинктивно плотнее прижалась к ней и обняла ее.

Нет, слова ее не успокоят меня.

— Я ненавижу дни. Это страшно, Валька, ненавидеть день, свет, солнце... Ты переживала такое? Я полюбила ночи. Они давали мне покой и... радость... — У меня снова больно сжалось сердце: как ее понять? Какую радость ей доставляла ночь?

— ...Помнишь, ты спросила в дороге, кто у меня есть. Я сказала: не надо, Валя, об этом. Так нас учили. А почему не надо? Почему? Что изменится, если я скажу тебе об этом? А может, станет легче на душе? Да, наверное, уже можно. В эту ночь все можно. У меня есть отец, он на фронте, офицер. И у меня есть сын, Сережка, ему два годика...

У меня счастливо забилось сердце: вот оно, успокоение! Если б она еще сказала: и есть муж. Нет, этого она не сказала. Говорила о сыне:

— Как он плакал, когда я в последний раз проведала их! А мать предупреждала, чтоб я не простудилась. Для них я служу в войсках Московского противовоздушного округа связисткой. И я действительно боюсь простуды. Смешно, правда? Не боюсь умереть — боюсь простудиться. Почему ты молчишь, Валя? Скажи что-нибудь. Не молчи.

— Что тебе рассказать?

— Как ты жила до войны. Мы двое суток шли с тобой и так мало знаем друг о друге. Так же нельзя. Нельзя. Неправильно это, что от нас требовали никому не рассказывать о себе... Почему? Знаешь же, учат многому тому, что вовсе не нужно в нашей работе. И упускают иногда главное, что так необходимо. Почему? Я не скажу тебе, так как и сама не знаю, не поняла еще, у меня небольшой опыт, это второе мое задание... Но я все время чувствую, что мне чего-то не хватает. У тебя нет этого ощущения, Валя? Ты все умеешь, все понимаешь? Да? Ты и ненавидишь их спокойно. По-мужски. Это разумная ненависть. Я сказала бы, здоровая. С такой ненавистью легче, правда? Почему ты молчишь? Говори! Говори!

Но говорить мне не хотелось. Я хотела слушать ее, интересно было, как она вдруг раскрывалась. Но такая ее возбужденность и тревожила. Почему она такая?

— Куда пошел Степан?

— Опять Степан! Ты все время думаешь о Степане? О несчастная! Нельзя, Валя, нельзя нам с тобой и всем таким, как мы, думать о тех, кого мы любим. Это парализует волю. Порождает страх... А мы должны быть бесстрашными! Мы должны быть бесстрашными!..— повторила она.

— Куда пошел Степан?

— Иди ты к черту со своим Степаном! Почему ты повисла у меня на шее? На ней висит петля!

— Маша! Замолчи! Чего ты злишься? Ты как пьяная. Успокойся.

— Да, я пьяная. От ночи! Моя брачная ночь!— Она нервно рассмеялась.— Какая ночь! Тихая-тихая... Только пыхтят паровозы. Ты слышишь, как они пыхтят? И свистят кондуктора. Зачем мы залезли в эту конуру? Вылезай! Ляжем и будем смотреть на звезды. И слушать паровозы. Их много тут, паровозов! Ты знаешь, Степан любит паровозы. И жалеет их. Ему подорвать паровоз — все равно что человека. Дурак. А я сегодня люблю самолеты.

МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ

У входа в музей искусств в Ханое висит плакат: перед разрушенным домом с черными глазницами окон обломки сбитого вражеского самолета. Сзади контуры новых зданий, силуэты заводов и подъемных кранов. И на всем этом крупно, во весь лист, яркий цветок на сильном, сочном стебле — лотос. Его почитают в народе как символ чистоты, верности, мужества. Хо Ши Мин очень любил этот цветок.

В беседе с корреспондентом «Огонька» директор музея НГУЕН ВАН И рассказал:

Искусство называют зеркалом души народа. В картинах и песнях, в скульптурах и памятниках архитектуры запечатлевают поколения свою судьбу, выражают свои помыслы и надежды. На свете нет бесталанных народов. Все, что создано народом,— это достояние нации, страны, сокровищница и источник вдохновения для тех, кто придет после нас.

Музей — прежде всего школа прекрасного, школа патриотизма для масс. Познавая историю своей родины, знакомясь с памятниками прошлого, люди учатся дорожить своим отечеством.

Наш музей продолжал работать и во время бомбежек. Самые ценные экспонаты пришлось эвакуировать, их заменили хорошо выполненные копии. Но люди все равно приходили в эти залы. Только двенадцать дней в декабре 1972 года, когда Ханой подвергался особенно сильным налетам, на дверях висела табличка «музей закрыт». Теперь мы уже засыпали бомбоубежище во дворе, где нашим сотрудникам и посетителям приходилось пережидать воздушные тревоги.

У вьетнамского народа богатое художественное наследие. Оно создавалось веками. Самым древним экспонатам нашего музея более трех тысяч лет. А самые новые рождаются сегодня в мастерских живописцев, графиков, скульпторов.

Наши традиционные виды искусства — лак и живопись на шелке. Эта техника позволяет особенно тонко показывать детали, передавать настроение. Молодые художники в последние годы отдают предпочтение графике. Это вполне понятно. Долгие годы на нашей земле шла война. Она стала жизнью целого поколения. Художники, как и весь народ, сражались — кто в армии, кто в партизанских отрядах. Уголь и карандаш лежали в солдатском мешке у тех, кто сменил палитру и мольберт на каску и автомат. «Когда говорят пушки, музы молчат». По-моему, это неверно. Да, война несет страдания, кровь, смерть. Но ведь именно в моменты самых тяжелых испытаний проявляются лучшие качества людей — смелость, мужество, преданность родине. И художника это не может оставить равнодушным.

Мне пришлось быть участником первой войны Сопротивления — так у нас называют войну против французских колонизаторов.

Во время знаменитой битвы под Дьенбьенфу я руководил военным транспортом, попросту говоря, командовал колонной грузовиков, которые перевозили снаряжение для армии. Это было моим основным делом, моей профессией. В свободное время рисовал. Когда перебираю свои беглые зарисовки тех лет, я вижу их несовершенство, и все же они дороги мне как отражение тех незабываемых дней.

Многие вьетнамские художники посвятили свои работы нашему вождю Хо Ши Мину. Выонг Чинь изобразил его беседующим с крестьянами. Живописец сумел передать атмосферу искренности, доверия, которое питают люди к своему президенту. Хо Ши Мин часто встречался с крестьянами, хорошо знал их жизнь. Художник запечатлел сцену, когда Хо Ши Мин советует крестьянам заменить традиционное коромысло для переноски тяжестей тележкой. Отсюда и необычное название картины — «Освобождение плеча». Картина выполнена маслом. Это сравнительно молодой вид искусства, который получил развитие во Вьетнаме с начала XX века.

Плодотворно сочетая лучшие традиции западного искусства с национальными традициями, художники создали немало талантливых работ. Примером служит полотно Хюи Оана «Песня для солдат». Вглядитесь в этот холст, и вы почувствуете непосредственность молодых парней, оторванных войной от родного дома. Они слушают знакомую с детства песенку, которая напомнила о родной деревне, о матери. Около этой картины всегда останавливаются посетители.

В разных манерах работают наши художники, но общее у них одно — стремление отдать свой талант служению народу.

Наши. С красными звездами на крыльях. Вылезай. Поглядим на небо. Хочешь, помолимся? Ты умеешь молиться? А я умею. Нас учили. Чему только нас не учили! Ах, если б я теперь могла сдавать экзамен на актрису! Ни черта он не понимал, Игорь Петрович! «Актрисы из вас не будет». Идиот! Не тому он учил. Учить актеров надо там, в нашей школе. И тут, в диспетчерской... на моей свадьбе...

Я не откликнулась на ее призыв вылезти из шалаша, чтобы посмотреть на звезды, а она забылась и снова говорила-говорила. Я слушала ее с интересом и страхом и тут же подумала: не рехнулась ли она? Почему она не говорит, куда пошел Степан? Боится, что все тут имеет уши? Но если до этих ушей дойдет то, о чем она тут наговорила...

Наконец она затихла, видимо, к чему-то прислушивалась, так как спросила:

— Ты ничего не слышишь? — и быстро вылезла из шалаша.

Я немного подождала и тоже выбралась из темноты, наполненной запахом слежавшегося сена и железа.

Ночь стояла безлунная, но ясная, звездная, казалось, было светло. Маша лежала прямо на стежке, где трава вытоптана до черной земли. В шалаше не было видно, во что она одета, и меня поразило, что она в том же белом свадебном платье и лежит в нем на земле.

Я легла рядом. Не помню, сколько мы пролежали там, помню, что ни о чем больше не говорили. Вслушивались в ночные звуки, откуда-то донесся одиночный выстрел, недалекий, пожалуй, с Мохового переезда. Мне опять захотелось спросить, куда же пошел Степан.

Да вдруг заревели сирены воздушной тревоги. И сразу же по небу полоснули кинжалы прожекторов. Лучи лихорадочно кидались снизу вверх, с горизонта до зенита, перекрещивались, искали один другого, прощупывали небо и расходились в разные стороны, чтоб снова начать сближаться. Потом лучи направились в одну сторону и застыли где-то над Новобелицей.

Тогда Маша обняла меня... и радостно зашептала:

— Летят! Наши летят! Родные мои! Быстрее! Быстрее! Подожди. Подожди минуточку. Сейчас наши устроят Варфоломеевскую ночь фашистам. Летят!— Ее уже лихорадило, и от возбуждения она снова начала говорить.

Рассказывала, что немцы начали наступление под Орлом и Курском. Свое новое летнее наступление. Как прошлым летом на Сталинград. А наши... наши не только не отступили, наши прорвали их фронт и теперь наступают. Об этом я слышала в отряде.

Гитлер хочет заткнуть прорыв под Орлом и Курском. Бросает туда новые дивизии. Немцы гонят эшелон за эшелоном. А на железных дорогах успешно действуют партизаны. Двое суток закрыта дорога на Брянск, а с прошлой ночи и на Бахмач. В Гомеле скопилось больше двадцати эшелонов с живой силой и техникой. Среди них какой-то особый эшелон, два десятка классных вагонов с генералами и офицерами. Какой-то штаб, наверно. Состав этот тщательно охраняется, засекречивается, даже в диспетчерской никто ничего не знает. Его загнали в тупик к речной пристани.

— Сегодня утром мы обо всем этом сообщили в Центр. Я сама была на связи. С Анькой. Помнишь Аньку, что прилетела со мной? Получили ответ: ночью ждите гостей. Покажите ракетами наиболее важные цели. Ребята пошли на товарную, на пассажирскую.

— И Степан? — спросила я.

— Степан — на пристань, к особому эшелону. Он же руководитель, он пошел на главную цель.

Странно, почему она не сказала об этом в шалаше? Может, Маша суеверная и опасалась: а вдруг не прилетят? На войне всякое бывает. А она так ждала их, и если бы налет не состоялся, то это было бы для нее большим ударом. А теперь необыкновенно радовалась. Когда в небе послышался гул многих моторов, стиснула меня так, что казалось, затрещат кости.

— Слышишь, Валька? Слышишь? Какая музыка! Лучшей я не слышала за всю жизнь. Слушай, слушай! Запоминай.

Такая радость ее, совсем детская, передалась мне, я забыла обо всем другом, о своих душевных страданиях. То, что я наконец узнала, куда пошел Степан, странным образом успокоило меня. Так всегда случалось, когда я получала задание и знала опасность, какая может настичь. Это так естественно, что Степан пошел на главную цель. Мне тоже все время хочется получить особое задание, такое, чтоб стрелять, взрывать, хотя я хорошо знала важность работы связной. О том, что Степан может попасть под бомбы, не думалось. Будут же падать наши бомбы. Подумала о другой опасности: что ракетчиков, безусловно, будут ловить. Но это все равно что в бою: многое зависит от твоей ловкости, умения. А Степан все умеет, в этом я не сомневалась, потому и успокоилась, охваченная другим волнением, тем же, что и Маша,— ожиданием самолетов.

Жители привыкли к частым тревогам, и, пока выли сирены, в домах вокруг было тихо. Но как только ударили зенитные батареи, захлопали двери, в соседних садах замелькали белые привидения. Хозяйка Степана тоже выскочила в сад в одной сорочке, чуть не споткнувшись о нас, испугалась, бросилась в сторону. Узнала — позвала:

— Прячьтесь в убежище.

В дальнем углу сада выкопана яма — убежище, Степан накрыл его сверху шпалами, и там было действительно почти безопасно, разве только прямое попадание могло превратить убежище в могилу. Но мы не пошевелились. В это мгновение самолеты шли над нами, одна эскадрилья, вторая... Гудело все небо. Лихорадочно метались прожектора. Но вдруг свет их померк. Загорелись сброшенные на парашютах осветительные ракеты. Осветили весь город. Такое зрелище я наблюдала впервые.

Маша шептала:

— Ты видишь, ты видишь их? Гляди — вон!

Нет, самолетов я не видела, нельзя их было увидеть в черноте неба. Только вспыхивали красно-зеленые букеты разрывов снарядов. Один раз на короткий миг в белом свете лучей блеснул серебряный мотылек. Все прожектора устремились туда, скрещивали свои холодные лезвия. Туда же пушки начали бросать горящие букеты.

Маша умолкла, притаила дыхание, полная страха за эту серебристую птицу, попавшую в огонь.

Самолет скользнул вниз. Подбит или спикировал?

Всколыхнулась земля: первый бомбовый залп взорвался близко, на пассажирской станции. Там шугануло вверх высокое, яркое пламя, наверное, попали в цистерны с бензином.

Потом самолеты, заходя повторно на цели, ходили по кругу на небольшой высоте — моторы со звоном ревели со всех сторон, заглушая собачий лай зениток и пулеметов.

Шлепались в сады, пробивали крыши домов осколки снарядов. Но мы не обращали на них внимания, даже не сразу сообразила я, что это свищет вокруг и падает на землю, так как под таким зенитным огнем никогда не была. Но это был слепой огонь, по невидимым целям, палили в белый свет, как в копейку. А наши летчики видели свои цели — эшелоны. Их показали ракеты подпольщиков, правда, из-за деревьев и вспышек батарей мы с Машей не видели этих ракет. А потом пожары осветили цели, горели все станции — товарная, пассажирская, пристань в Новобелице. В саду посветлело от отблесков пожаров.

Теперь говорить хотелось и мне — я была взволнована и обрадована этим налетом, такого моря огня не видела за все два года войны: были налеты, когда я ночевала в городе, но не такие массированные.

Все шире разгорались пожары. Стихли зенитки — захлебнулись или поняли, что зря тратят снаряды.

Небо заволокло черным дымом. Тяжелый и едкий, он оседал на землю, раздирал грудь. В соседнем саду кто-то натужно кашлял, хрипел, задыхаясь.

— Может, раненый? — сказала я.

— Черт с ним,— отозвалась Маша.

Поразила меня такая ее черствость к людям — наши же люди, не оккупанты! Разве она знала, что за человек там задыхается. Или она все еще считает, что каждый, кто остался тут, кто не пошел в партизаны, враг?

Загадочная и странная она, эта Маша, думала я, как быстро и непонятно меняется ее настроение! Как нежно, с умилением говорила она перед налетом о родителях своих, о сыне — и вдруг это беспощадное: «Черт с ним...»

Самолеты, видимо, шли поочередно: отбомбились одни — их сменили другие. Было такое впечатление, что они беспрерывно висят над городом.

Маша коротко похвалила летчиков или командование:

— Молодцы! — и замолчала.

Наконец в небе наступила тишина. На земле все гудело, трещало, рвалось — все было охвачено пожарами, потухли прожектора. Кажется, подул ветер, так как зашелестели листья, разорвалось дымное облако, блеснули звезды. Вылезла из ямы хозяйка Степана — Христина Архиповна, помолилась, глядя на небо.

— О божечка! Содом и Гоморра. Думала, конец света настал. Это же надо так бить по своему городу!—И вдруг заругалась на нас:— А вы лежите? В другой раз за косы потащу в укрытие. Дуры смелые! Степан каждый раз прятался.

Я думала, что Маша ответит ей, и боялась, что скажет недозволенное. Маша смолчала. Мне она тоже, кажется, не сказала больше ни слова.

Под утро стало холодно, но мы не пошли в дом и не полезли в шалаш. Земля под нами была теплая, не хотелось отрываться от нее.

Мы ждали Степана. Я в особенности. И была уверена, что она тоже ждет. И я страдала оттого — стыдно сказать теперь! — что мне не хотелось делить с Машей это ожидание. Хотелось ждать одной... Всю жизнь. Но в этом было что-то и нехорошее — почему я думаю все о своем, личном после того, что произошло.

Тогда мы все стыдились своих интимных переживаний. Но не думать я не могла. Радовало разве одно — враждебность к Маше исчезнет. Вдруг мне стало жаль ее. Это хорошо запомнилось, потому что с этим чувством я заснула. Снилось, что снова летят самолеты, гудят. Проснулась от сильного толчка. На улице возле дома урчали моторы, бухали тяжелые солдатские сапоги о землю — прыгали с грузовика. Ломились в калитку.

— Гестапо. Уходи! — кажется, совсем спокойно сказала Маша, помогая мне подняться.— Там доска, знаешь?.. Через сад и двор выходи на Островского... Если они не окружили кварталы.

— А ты?

— Меня не возьмут. Я с ними объяснюсь...

Рассуждать было некогда. Да, у Маши документы служащей железной дороги, она знает немецкий язык, а мне лучше исчезнуть, так как гестапо легко установит, чья я сестра, откуда.

Я уже открыла калитку во двор глухого старика и осторожно выглянула на улицу, нет ли гестаповцев, когда там, в оставленном мною саду, где сначала слышались немецкие команды, послышался пистолетный выстрел, завизжала, потом тонко заскулила, наверное, издыхая, собака. Вслед за тем зло застрочили автоматы. Их перебил взрыв гранаты. Потом кричали и ругались по-немецки...

Все утро я пролежала в руинах школы, глотая слезы горя, гнева, отчаяния — отчаяния от беспомощности: я не могла даже предупредить Степана, не знала, как это сделать; он может вернуться домой и напороться на засаду или пойдет на паровоз, я его схватят там. А может, его взяли, когда он пускал ракеты, потому и гестаповцы заявились? Надо было предупредить своего командира, Примака,— с ним Степан имел связь. Если Примак уцелел, может, ему удастся спасти парней из Степановой группы. Но Примак жил на улице Плеханова, по другую сторону железной дороги, а ее в то утро перейти было невозможно: дорога усиленно охранялась.

Я плакала о Маше. Почему она не пошла со мной? Почему не попыталась спастись? Хотела прикрыть меня и, жертвуя собой, спасти? Плакала от злости на себя, что плохо думала о ней. Перед лицом смерти какими мелкими показались все мои чувства в последние три недели. Хотелось так же умереть, как она,

с оружием в руках и прикрывая товарищей. Меня если бы нашли там, в руинах, то взяли бы очень просто. Чем могла я защищаться? Чем могла убить себя, чтобы не попасть в их лапы?

Однако мне удивительно везло: под вечер я все-таки пробралась к Примаку.

Три дня сидела у него на квартире, хотела узнать про Степана: где он, что с ним? Но полиция ничего не знала, даже тот черномазый гад, Яков Рыгорович,— Примак встречался с ним, пытался разведать, не он ли выдал группу Степана.

На четвертый день Примак пришел домой с почерневшим лицом. По его виду я все поняла. Он сказал коротко и сдержанно:

— Мужайся, Валя. Их повесили. Степана и еще двоих. На привокзальной площади. Сегодня. Я оттуда... Полиция сгоняла народ на казнь...

Я не заплакала. Слезы мои за те дни окаменели. И сердце окаменело. Но я сказала, что пойду попрощаться с ним. Примак возражал: возле виселицы оставлены переодетые агенты СД и полицаи, следят за каждым, кто приходит к повешенным.

Я не могла не пойти. Дала твердое обещание, что близко не подойду.

Примак сопровождал меня в полицейской форме, с пистолетом.

Виселицы были направо от вокзала, на пепелище барака пригородных касс. Я выполнила обещание, смотрела издалека, с Комсомольской улицы, через зловеще пустую в тот день площадь. Люди жались к коробкам сгоревших домов.

Я издали узнала Степана. На груди у них висели фанерки с надписью: «Я подавал сигналы большевистским самолетам». Про надписи мне сказал Примак.

Был ветреный день. Ветер раскачивал их тела и, как у живых, лохматил волосы. Все трое были светловолосые, как братья. Больше я ничего не увидела, ветер засыпал глаза песком и пеплом.

Не помню, как, когда, по какой дороге вывел меня из города Примак...

...Я познакомился с Валентиной Андреевной в санатории. Мы сидели в столовой за одним столом.

Гуляя по лесу — нас было человек шесть,— мы, немолодые уже люди, вспоминали прошлое: войну, где и как кто воевал. Каждый что-то рассказал — были в компании и фронтовики и партизаны, была минская подпольщица, она особенно много рассказывала.

Валентина Андреевна молчала.

Выглядела она моложе многих из нас, и я считал, что в войну она была подростком, поэтому спрашивать у нее о том времени вроде бы и неделикатно было. Но ее выдала соседка по палате, с которой она вместе жила.

— А Валя тоже партизанила.

Тут, конечно, мы к ней пристали с расспросами. Рассказала она только, как спряталась в куче хвороста и как каратели хотели поджечь хворост, но зажигалка не сработала.

Дня через два вышли мы как-то вместе из столовой после обеда, и Валентина Андреевна обратилась ко мне:

— Знаете, вам одному хочу рассказать о своей судьбе... о горе своем и... счастье. Никому не говорила... мужу своему... второму,— сказала это и как бы испугалась, даже оглянулась: — Боже мой!.. Второму... А был ли он у меня, первый? Я всегда думаю об этом... Кто из нас его жена? Я? Или она, та, с кем его повенчала смерть?..

Она рассказывала до самого ужина. Я спросил, можно ли записать все это и опубликовать. Она не сразу ответила. Потом нам помешали соседи по столу, подошли, начали подшучивать над тем, что мы слишком долго гуляем вместе.

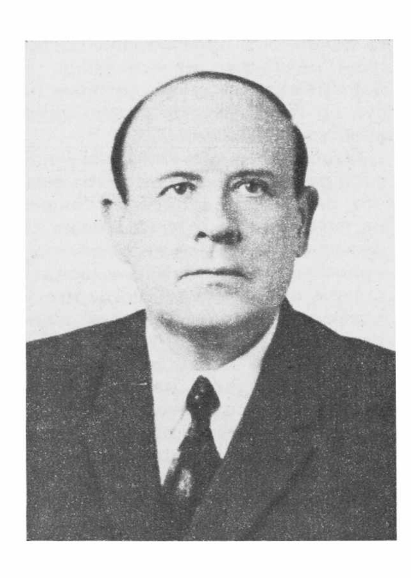
Дня через три Валентина Андреевна уезжала из санатория. На прощание сказала:

— Напишите. Пускай прочтут молодые... дети мои, как мы воевали и как... любили в войну...

Авторизованный перевод с белорусского М. ГОРБАЧЕВА.

ШИРОКИЙ ПРОФИЛЬ

интервью «Огонька»

Министр высшего и среднего специального образования РСФСР академик Иван Филиппович ОБРАЗЦОВ отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Олега Шмелева

ВОПРОС. Принятые в последние годы постановления партии и правительства определили важнейшую задачу высшей школы — улучшение качества подготовки специалистов. Понятно, что это ставит перед вузами новые проблемы. Если формулировать коротко, Иван Филиппович, какая из этих проблем, по-вашему, самая насущная?

ОТВЕТ. Выпуск специалистов широкого профиля.

ВОПРОС. Что это такое — специалист широкого профиля? Какими качествами он должен обладать?

ОТВЕТ. Их много, но основные таковы: он творчески владеет марксистско-ленинской наукой и способен активно проводить политику партии, работать с людьми; глубоко знает основы фундаментальных и профилирующих наук и выработал в себе потребность и умение непрерывно продолжать самообразование, постоянно обогащать и обновлять свои знания; обладает максимально развитыми творческими и изобретательскими способностями; владеет методологией научных исследований и получил навыки и знания для самостоятельной творческой и организаторской работы.

ВОПРОС. Готовы ли вузы России к выпуску специалистов широкого профиля?

ОТВЕТ. К сожалению, далеко не все. Такая задача по плечу только тем вузам, которые имеют высококвалифицированные кадры и широко развитую учебно-научную базу, где накоплен богатый опыт органического сочетания учебного процесса с обязательной научно-исследовательской деятельностью студентов, где найдено оптимальное соотношение обязательной учебной нагрузки и самостоятельной работы, контролируемой преподавателями, и где, наконец, действует система индивидуальных методов обучения, тесно связанная с групповыми занятиями, поточными лекциями и научными исследованиями. Подготовка специалистов широкого профиля требует серьезной перестройки учебного процесса.

ВОПРОС. Иван Филиппович, невольно приходит мысль: не связан ли тот факт, что многие институты еще не готовы к выпуску специалистов широкого профиля, с уменьшившейся тягой молодых людей в технические вузы? Ведь конкурс в этих вузах в последние годы заметно снизился...

ОТВЕТ. Да, до двух заявлений на место. А в Архангельском лесотехническом и в Грозненском нефтяном, например, в прошлом году было подано 108 заявлений на 100 мест, по сути дела, никакого конкурса...

Но это вопрос непростой. Может быть, какая-то связь тут и существует. Во всяком случае, в вузах, которые готовят специалистов узкого профиля, конкурс меньше, чем в вузах, выпускающих специалистов широкого профиля. Но необходимо иметь в виду и такие факторы, как слабая пропаганда профессий, престижность той или иной профессии у молодежи, и еще многое другое. Этот вопрос требует специального, всестороннего исследования.

ВОПРОС. В чем должен заключаться дальнейший процесс перестройки, чтобы вузы — если не все, то большинство — могли выпускать специалистов широкого профиля? Какие недостатки надо устранить?

ОТВЕТ. Это проблема со многими гранями, и тут коротко не ответишь.

Первой заботой остается укрепление общенаучных и общеинженерных кафедр квалифицированными преподавателями. Ведь каково положение сейчас? В вузах нашего министерства на 274 кафедрах математики работают всего 137 докторов наук, только 26 процентов преподавателей имеют ученую степень и звание. Университетское образование — лишь у половины педагогического состава. Это очень мало. Не лучше положение на кафедрах физики, теоретической механики, сопротивления материалов.

Решая проблему кадров, надо помнить, что речь идет не только о внедрении новых форм обучения, но и об изменении и обновлении основного содержания учебного процесса, о ликвидации разрыва между вузовскими программами и нынешним уровнем развития науки, техники, культуры.

На первый план мы выдвигаем проблему качества тех знаний, которые составляют основное ядро в образовании будущего специалиста. Существует мнение, что изменение программы обучения (и соответственно перестройка лекционных курсов, семинарских занятий и так далее) — дело более или менее длительное, поэтому в условиях бурного обновления научных знаний содержание учебного процесса, как правило, на пять лет отстает от уровня развития науки и техники. Можно ли существенно сократить этот разрыв, а в ряде случаев и преодолеть его целиком и полностью? Я думаю, что можно, если система обучения будет органически сочетать в себе учебный процесс и научно-исследовательскую работу на базе вузовских научных учреждений, ведущих НИИ или конструкторских бюро и промышленных предприятий.

Жизнью уже доказано: когда специальная подготовка студентов ведется непосредственно в научно-исследовательских или производственных учреждениях, то всякое изменение в деятельности этих учреждений сразу же отражается на характере приобретаемых студентами знаний. В таких случаях в самой системе подготовки специалистов заложено своеобразное и непрерывное, как бы автоматическое слежение за развитием соответствующих областей науки и техники. Наша задача — постоянно совершенствовать формы этой связи, обновлять содержание учебного процесса новейшими достижениями научной мысли.

XX век называют веком стремительной научно-технической революции. Рост и обновление знаний иногда характеризуют как информационный взрыв, с которым человек не в состоянии справиться. В связи с этим возникает вопрос: каким должно быть основное ядро в содержании учебного процесса, чтобы оно позволяло человеку ориентироваться в бурном потоке новых открытий и новейших достижений науки и техники? Ответа, пригодного на все случаи жизни и для всех специальностей, здесь дать невозможно.

Поясню суть проблемы на примере из области инженерного образования. Если речь идет о подготовке инженера-механика, то в ряде вузов основным ядром в содержании учебного процесса все еще являются классическая механика, классические разделы давно сложившейся высшей математики и физики, теории механизмов и машин, а также ряд устоявшихся специальных дисциплин. Одним словом, науки, созданные еще во времена Декарта и Ньютона. А современные разделы физики и математики служат лишь своеобразным количественным дополнением, не оказывая существенного влияния на мировоззрение и способ инженерного мышления. Я несколько утрирую, огрубляю реальное положение дел, но мне важно подчеркнуть сам факт подавляющего влияния старой, классической, а не современной науки в процессе подготовки будущих инженеров.

Думаю, что назрела необходимость изменить это соотношение в пользу современной науки. Принцип обучения от простого к сложному иногда работает против нас.

Наша задача, подчеркиваю, — стремиться формировать стиль мышления как на классических, фундаментальных, так и на лучших образцах современной науки.

В области физики это квантовая теория и теория относительности, квантовая электроника, голография, то есть теории, созданные в процессе революции в естествознании. В математике — теория множеств, теория игр, математическая логика и теория программирования, то есть разделы, возникшие в тесной связи с рождением новых направлений в развитии электронно-вычислительной, автоматической, лазерной и космической техники. Думаю, что математическая логика в настоящее время столь же необходимая теория для инженерного образования, как дифференциальное и интегральное исчисление.

Шаблона для всех вузов в этом допускать не следует, но общий подход к решению проблемы состоит в том, чтобы основное ядро инженерного образования составляли не только классические, но и современные науки, которые несут на себе печать современной культуры мышления.

Особенностью научно-технической революции является тот факт, что она оказывает свое влияние на учебный процесс не только содержанием новых открытий, но и целостным, комплексным воздействием общих тенденций, которые наиболее характерны для науки нашего времени. В учебном процессе, как в капле воды, должен отражаться свет разума многих поколений, содержание «тех богатств, которые выработало человечество». Поэтому творчески мыслящий специалист — это не технократ, как полагают буржуазные идеологи, а всесторонне развитый человек, понимающий социальное значение технического прогресса.

Вот почему мы выдвигаем на одно из центральных мест проблему гуманизации науки, а в плане учебного процесса — усиление гуманитарной подготовки, которая специалисту широкого профиля становится совершенно необходимой. Маркс писал, что будущее «естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука». В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 июля 1972 года этой проблеме уделяется особое внимание. Ее значение обусловлено возрастанием роли «человеческого элемента» в материальном и духовном производстве, которые по мере своего совершенствования требуют максимального использования интеллектуального потенциала.

Обычно думают, что учебный процесс служит основой формирования научного мировоззрения. В этом, конечно, есть доля истины. Но не следует забывать, что именно наше марксистско-ленинское мировоззрение является неисчерпаемым источником обогащения учебного процесса, синтеза естественнонаучных и гуманитарных знаний, живой душой творческого мышления и практической деятельности миллионов людей.

Из этой сокровищницы черпают новые идеи не только преподаватели общественных наук, но и специалисты по физике, математике и по другим разделам науки и техники. Марксистско-ленинская теория пронизывает самую суть любых научных знаний — методологию их получения и обоснования, их социальную ценность и значение в современной идеологической борьбе. В условиях зрелого социализма необходимо вырабатывать у будущего специалиста творческое мышление нового типа, основанное на коренных марксистско-ленинских принципах, свободное от консерватизма и застоя, предполагающее смелость инженерной мысли, творческий поиск, новаторский подход к решению сложнейших задач технологии и организации производства.

ВОПРОС. Иван Филиппович, и последний вопрос. Что бы вы пожелали средней школе и ее выпускникам?

ОТВЕТ. Чтобы юноши и девушки вместе с аттестатом зрелости уносили в большую жизнь неутолимую жажду знаний и умение приобретать их не только в институтских аудиториях, но и самостоятельно.

ИРЛАНД РЕПО

С НЕСКОЛЬКИМИ

Анатолий СОФРОНОВ

СЮЖЕТ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ ЭМОЦИЯМИ

«Англия веками порабощала Ирландию, доводила ирландских крестьян до неслыханных мучений голода и вымирания от голода, сгоняла их с земли, заставляла сотнями тысяч и миллионами покидать родину и выселяться в Америку. В начале XIX века в Ирландии было $5^1/_2$ миллионов населения, теперь только $4^1/_3$. Ирландия обезлюдела. В течение XIX века свыше 5 миллионов ирландцев переселилось в Америку, и в Соединенных Штатах теперь больше ирландцев, чем в Ирландии!

Неслыханные бедствия и мучения ирландских крестьян — один из поучительных образчиков того, до чего доходят помещики и либеральные буржуа «господствующей» нации. Англия созидала свое «блестящее» экономическое развитие, «процветание» своей промышленности и торговли в значительной степени на таких подвигах по отношению к ирландскому крестьянству, которые напоминают русскую крепостную барыню Салтычиху.

Англия «процветала», Ирландия вымирала и оставалась неразвитой, полудикой, чисто земледельческой страной, страной нищих крестьян-арендаторов. Но, как ни хотелось «просвещенной и либеральной» буржуазии Англии увековечить порабощение Ирландии и нищету ее, реформа все же надвигалась с неизбежностью,— тем более, что революционные взрывы борьбы ирландского народа за свободу и за землю становились все более грозными. В 1861 году образовалась ирландская революционная организация фениев. Переселившиеся в Америку ирландцы всячески помогали ей».

Строки эти написаны Владимиром Ильичем в статье «Английские либералы и Ирландия» в 1914 году.

Политический анализ, данный в свое время Лениным взаимоотношениям Англии и Ирландии, говорит о многом. За время нашей жизни в Дублине мы не один раз слышали порой сдержанное, а порой резкое суждение о реакционной роли Англии, эксплуатирующей не только экономику Ирландии, но и подавляющей национальное сознание, культуру, что только возможно.

...Джон, именно Джон Свифт, а не Джонатан Свифт, заведующий отделом информации ирландского МИДа, молодой, энергичный человек, встретил нас в фойе особняка министерства и провел в свой кабинет. Меня, естественно, интересовал вопрос о том, что нового появилось в отношениях между Ирландией и Советским Союзом.

— Могу сказать, что наша страна испытывает чувство большого уважения к советскому народу,— ответил мне Свифт.— Недавний обмен

Окончание. Начало см. №№ 33, 34.

СКИЙ
РТАЖ

СЮЖЕТАМИ

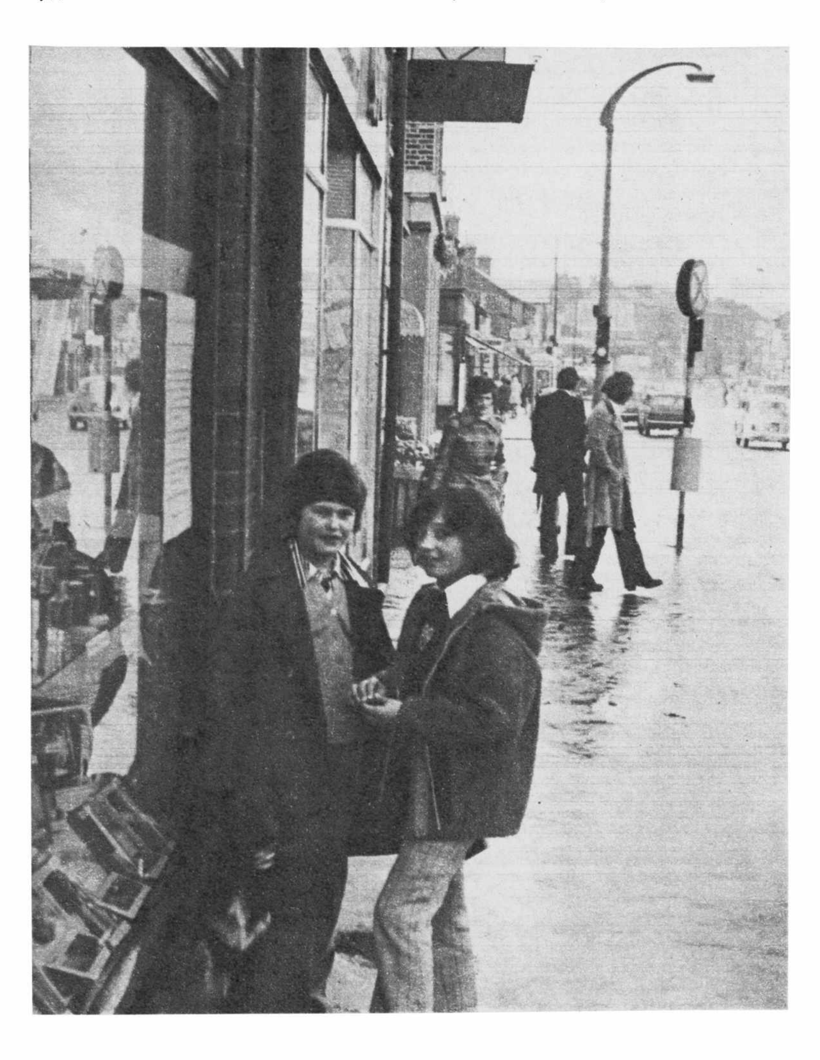
посольствами дает возможность больше знать друг друга и установить более тесные дружеские отношения. Развивать более успешные торговые отношения, добиваясь более равного, чем в настоящее время, торгового баланса. Сейчас он дефицитен для Ирландии и более активен для Советского Союза. Я не специалист по внешней торговле, но уверен, что у нас есть немало товаров, которые, кроме медицинского оборудования и мяса, что мы вам поставляем, могут значительно больше, чем это существует сейчас, представить Ирландию на советском рынке. Еще есть немало ирландских товаров, которых не знают в Советском Союзе.

— Как вы относитесь к вопросу европейской безопасности?

— Мы поддерживаем конференцию по безопасности, и мы, конечно, за разрядку напряженности и в Европе и во всем мире.

— Что вы можете сказать по вопросу культурного обмена между нашими странами?

— Мы не имеем большого опыта в этой области, но к нам уже приезжают ваши художественные коллективы... Скоро состоится открытие художественной выставки... Могли бы приезжать театры.

— И ваши к нам.

— Вы что-либо видели?

— «Пурпурную пыль» О'Кейси.

Свифт улыбнулся:

— Что же, это спектакль своеобразный... Понравился вам?

— Да, понравился... Талантливый режиссер и актеры.

— Нам это очень приятно...

На открытии конгресса АИПС выступал министр просвещения Ричард Берк. Он не только приветствовал участников конгресса, но и призывал разумно использовать газетные полосы, не заполняя их так называемыми «спортивными» сенсациями. Правительство Ирландии устроило прием в честь конгресса в картинной галерее Дублина. Премьер-министр Ирландии Лиам Косгрейв вместе с журналистами в залах среди картин отмечал это событие добрым ирландским пивом. Сам конгресс оказался плодотворным и значительно более единодушным, чем это было в Малаге. На одном из заседаний выступил президент Международного Олимпийского Комитета лорд Килланин:

— МОК всегда придавал большое значение тесным контактам с прессой, роль которой в современном спорте все более возрастает. Я ирландец и хочу сказать, что счастлив видеть всех вас на моей родине. Я считаю обязательным для МОКа реальную поддержку федераций спортивных журналистов во всех странах. Там же, где этих федераций еще нет, они должны быть созданы. К сожалению, как всегда, нам приходится говорить о деньгах... Но я считаю, что все будет в порядке. Во всяком случае, МОК сделает все, чтобы работа АИПС стала еще более эффективной.

Конгресс заслушал доклад руководителя службы прессы зимней Олимпиады Бертла Неймана. И хотя доклад его попахивал рекламой не самого первого сорта, все же как-то стало ясным, что в Австрийских Альпах, в Инсбруке, спортивные журналисты получат подходящие условия для работы.

В докладе же представителей оргкомитета летней Олимпиады в Монреале, изложенном на 30 страницах, к сожалению, разобраться было трудно. Ясно из этого доклада, пожалуй, было одно: журналисты будут разбросаны в разных местах, жилье и питание будут стоить дорого, проблемы транспорта и связи пока еще не решены...

По сравнению с тем, что говорили канадские представители на заседании в прошлом году в Малаге, прогресса почти не было.

Редактор газеты «Советский спорт» Николай Киселев охарактеризовал организацию службы прессы в Монреале по сравнению с Мюнхеном, Мехико, Саппоро и Греноблем «шагом назад». С ним согласились делегаты конгресса и решили обратиться с просьбой за помощью в МОК. Лорд Килланин пообещал рассмотреть проблемы спортивной журналистики на очередном заседании МОК.

Делегаты также поддержали предложение федерации спортивной прессы СССР о пересмотре Устава и поручили на предстоящей осенью этого года сессии исполкома АИПС в Таллине создать рабочую комиссию.

В сентябре этого года в Москве откроется всемирная фотовыставка «Спорт — посол мира». Члены исполкома АИПС вошли в состав жюри выставки.

На конгрессе в АИПС были приняты еще три национальные ассоциации: Аргентина, Пакистан, Сьерра-Леоне — и сообщено, что готовятся к вступлению в АИПС ассоциации Индии, Филиппин, Новой Зеландии, Алжира, Ирана, Австралии, ряда стран Африки...

Президент АИПС Фрэнк Тейлор сказал:

— Мы сделаем все для улучшения работы спортивных журналистов. Вместе с этим журналисты должны делать все для упрочения мира. Международный спорт должен быть насыщен позитивным духом. Журналисты должны понимать, что в спорте важно не только выиграть, но и выиграть достойным образом.

Этими словами, пожалуй, можно охарактеризовать главное направление 39-го конгресса АИПС, его решений и атмосферы, в которой он проходил. Это в большой степени является заслугой наших хозяев, которые делали все для того, чтобы делегаты из 43 стран Европы, Азии, Африки, Южной и Северной Америки чувствовали себя в Дублине хорошо.

В день закрытия конгресса произошло еще событие, которое должно быть отмечено в рассказе о тех днях, которые мы провели в Ирландии. Событие это не имело прямого отношения к конгрессу, но и не прошло мимо нас, советских участников дублинской встречи. С первого дня нашей жизни в Дублине мы чувствовали неизменную заботу советского посла в Ирландии Анатолия Степановича Каплина и всех работников нашего посольства. Советское представительство уже несколько месяцев находилось в Дублине, но именно в этот вечер должен был состояться прием в новом, только отремонтированном здании посольства СССР в Ирландии. Министры, члены правительства Ирландии сердечно приветствовали советского посла. Здесь же был и Фрэнк Эдвардс с женой, принесшей мне от моих новых театральных друзей буклеты и снимки спектаклей.

— Ждите в Москве,— сказал, прощаясь, Эдвардс.

Торговый советник Лев Николаевич Красильников говорил мне:

— Мы довольны тем, как идут торговые отношения с ирландской стороной. И они и мы деловые люди. Это является главным в развивающихся между нашими странами отношениях. Многие ирландские фирмы проявляют активный интерес к заключению взаимовыгодных торговых договоров с Советским Союзом.

— Чувствую, у вас большой запас положительных эмоций? — спросил я Льва Николаевича.

— А как же иначе? Ирландцы — деловые люди.

Затем последовал последний прием в отеле «Берлингтон». Все делегаты были в отличном настроении. Шумно было за круглыми столами. С нами сидели друзья из Польши, Венгрии, ГДР, которых мы уже хорошо знали, а также бывший бегун, которого звали Джоном. Он являлся представителем фирмы спортивных товаров «Адидас», с которой, как известно, у советских спортивных организаций существуют деловые отношения.

На улице Дублина.

Около десяти часов вечера в зале появился президент Ирландии Эрскин Чилдерс. Он поблагодарил участников конгресса за то, что они избрали Дублин местом своей встречи, и высказал пожелания, чтобы спортивная пресса всегда служила делу мира.

Президент начал свою речь на ирландском языке, затем перешел на английский, а закончил ее на французском. Дружеский тон выступления президента Ирландии соответствовал настроению делегатов. Концерт, предложенный нам хозяевами, как бы продолжал все, что было до прощального вечера. На сцене появился хор, мужчины и женщины. Как нам казалось, все красивые и все талантливые. Они пели арии и дуэты из оперетт Кальмана и Оффенбаха, песни из «Вестсайдской истории» и «Моей прекрасной леди»... Все это звучало и трогало. Но чего-то нам не хватало. Мы посмотрели отпечатанную программу — русская музыка там не была обозначена. Совершенно точно: нам не хватало русской музыки, русской песни. А певцов среди нас не было. И все же мы попросили слово. Нам его предоставили. Мы с Альбертом Лейкиным вышли на эстраду и обратились к президенту Ирландии со словами благодарности за гостеприимство и пожеланиями успехов в жизни и труде ирландского народа. Президент, а вместе с ним и все остальные поднялись, благодаря нас за приветствие. Но все еще не хватало песни. За инструментом сидела седая пианистка. Я напел ей несколько тактов из одной популярной нашей современной песни. Она отрицательно покачала головой. Тогда я напел несколько тактов из старой русской песни. Она согласно закивала головой.

— Эту песню когда-то пел Федор Шаляпин... А что, если мы?..

Нам подали микрофоны... В зале зазвучало:

Мы по бережку идем,
Песню солнышку поем...

Эту песню здесь знали... Ее начали подпевать, а потом мы подошли к президенту. Он горячо пожимал нам руки и говорил:

— Большое спасибо! Большое спасибо! Вместе с женой я был в Москве и Ленинграде. Это была прекрасная поездка... Мы наслаждались музеями и всем, что видели вокруг себя. Мы чувствовали настоящее гостеприимство советских людей. Теперь моя жена учит русский язык... Большое спасибо.

ЕЩЕ ОДИН СЮЖЕТ С СОБАЧЬИМИ БЕГАМИ

Отлет из Дублина в Лондон был ранний. С некоторыми из тех, с кем мы провели в столице Ирландии эти несколько дней, мы встретились утром в аэропорту. Все были невыспавшиеся, с припухшими глазами, но все — в отличном настроении. В самолете подошел к нам бывший наш «хозяин» по конгрессу в Малаге Лоренти и спросил:

— В сентябре в Таллин на заседание исполкома я могу приехать, так же, как в Дублин, с женой?

— О, конечно, господин Лоренти!

— Спасибо,— сказал испанец,— я обязательно приеду.

...В Лондонском аэропорту нас встречали друзья. Мой друг, с которым мы накоротке увиделись, когда отправлялись в Дублин, спросил:

— На этот раз побудешь немного здесь?

— Два дня.

— Сегодня вечером я предлагаю...

— Дорогой мой, вечером мы приглашены председателем федерации английских журналистов Дэвидом Сандерсом на ужин в Пенклуб.

— Что ж, Сандерс — хороший журналист. У него прекрасные репортажи о велосипедных гонках. Да и в Пенклубе скучать не будете. Тогда завтра утром ты в моем распоряжении. — Может, что-то надо сделать?

— Разыщи Джеймса Олдриджа.

— Попробую.

Вечером мы оказались в старом Пенклубе на Флит-стрит. Нас ожидали Дэвид Сандерс и его жена Маргарет. Мы обосновались в уютном кабинете и слушали рассказы Сандерса о спортивных новостях Англии. И чем больше длилась беседа, тем больше мы замечали, с каким обожанием Сандерс смотрит на свою жену.

— Вы молодожены?— спросил я.

— Относительно...

— Еще молодожены,— не согласилась Маргарет с мужем — не отказывайся.

— Наша женитьба — увлекательный сюжет для спортивного фильма.— Сандерс, улыбаясь, смотрел на жену.

— Каждая женитьба — сюжет для кинофильма,— сказала Маргарет.

— Хотите расскажу?

— Теперь его не остановишь,— махнула рукой Маргарет, но с тем выражением глаз, в которых можно было прочесть, что ей приятно, что муж все помнит до сих пор.

— Маргарет была отличной пловчихой и прыгуньей с вышки. Но когда мы познакомились, она уже была медицинской сестрой «Скорой помощи». Во время одного из велотуров Англии мне надо было срочно добраться до Лондона. Известно, что машины «Скорой помощи» имеют большие преимущества, чем остальные машины. Я попросился у красивой медицинской сестры в «Скорую помощь». Пока мы мчались с бешеной скоростью, с такой же скоростью я объяснился ей не только в любви, но и сделал предложение быть моей женой.— Сандерс остановился.— Так это было?— обратился он к Маргарет.

— По-моему, так...

— Как вы понимаете, Маргарет ответила согласием... Но прошло еще два года, пока произошло все так, чтобы мы могли принимать вас за этим столом и поднять тост за то, что мы имеем счастье быть с вами вместе, делать одно общее дело и глубоко уважать вашу страну и ваш народ. Мы верим в то, что всегда будем вместе и что увидимся еще не один раз с людьми, которые нам симпатичны.

— За встречу в Москве!

— С огромным удовольствием.

Когда мы покидали Пенклуб, было уже далеко за полночь.

— Мы живем за городом,— сказал Сандерс,— и у нас разделение труда. Я вел машину сюда, обратно поведет Маргарет.

— У нас двое ребятишек, — словно извиняясь, сказала Маргарет, садясь за руль.

Возле отеля мы попрощались. Широкие окна какой-то конторы были ярко освещены. Там, в спецовках, возле ведер и щеток, презрев любопытных прохожих, обнимались юноша и девушка.

— А жизнь идет,— сказал глубокомысленно Альберт Лейкин, и мы медленно направились к отелю.

Утром приехал мой друг.

— Завтракаем у меня,— сказал он,— и никаких отговорок.

Вскоре мы сидели у него за кофе.

— Олдридж в Шотландии. Вернется послезавтра.

— И Дина?

— Дина с ним. Я разговаривал с их сыном.

— А мы улетаем завтра.

— Но он должен быть скоро в Москве. Приглашен на юбилей Михаила Шолохова.

— Тогда скоро увидимся.

— Теперь рассказывай, что нового в Москве?

— А что нового в Москве? Все на месте... Весна холодная...

— У нас тоже холодная...

— Кажется, в Лондоне потеплело.

— Ты про политику?

— Про обыкновенную погоду.

— Слушай, ты знал некоего Максимова?

— Чуть-чуть...

— Хороший он был писатель?

— Про это не слышал.

— Не слышал? А здесь все эти «посевы», все эти «грани» тщатся выдать его за светоч мысли.

— На безрыбье и рак — рыба.

— Да, это так... Кого они обманывают? Да и кому они нужны?

— Антисоветским центрам.

— Эта газетенка сообщает, что пресс-конференция Максимова в Вашингтоне была самым большим событием для русской публики.

— Публика-то эта «русская» известна.

— А вот перл из его выступления на пресс-конференции в Западном Берлине: **«Прежде всего я хотел бы выразить благодарность за ту высокую честь, которую вы мне оказали, пригласив выступить здесь, в этом зале, в этом городе, где сегодня самым роковым образом переплетаются пути современности, в городе, который по праву можно назвать форпостом свободы среди угнетающей тьмы тоталитаризма, в городе, с названием которого связаны надежды и чаяния миллионов людей свободного мира.**

Здесь, в этом городе, не нужно быть ни большим политиком, ни пророком, чтобы понять, кто есть кто, и собственными глазами увидеть, откуда исходит угроза миру и безопасности во всем мире. Поглядите в окно, и вы убедитесь в этом».

— Что ты хочешь от лакея? Деньги-то надо отрабатывать!

— Слушай дальше. Еще цитата: **«В прошлом существовала советская русская культура и эмигрантская русская культура. Я чувствую, что ситуация созрела для того, чтобы эти две культуры объединились в одну русскую культуру».**

Кому он голову морочит?

— По-моему, прежде всего самому себе. Покрасоваться-то надо перед теми, кто деньги платит... А за ничто кто ж кормить будет?

— На одной из пресс-конференций сей «литератор» долго распинался о том, что родители его были троцкистами...

— Рыбак рыбака...

— Рыбаков обижать не надо. Рыбаки — люди хорошие... А этот «литератор», переправлявший свои рукописи нелегально за рубеж, если и рыбак, то только ловящий рыбку в антисоветском болоте. Он что, в тюрьме был?

— Насколько мне известно, никогда не бывал.

— А что же он людей обманывает?

— Не ищи честности у тех, у кого ее не может быть!

— А Галич?

— Что Галич?

— Он что, считался у нас хорошим поэтом?

— Не смеши меня.

— А это что? — Друг потянул к себе лист бумаги.— Специально выписал: **«Сколько ситуаций потрясающей нашей жизни затронул в своих, берущих за душу творениях Александр Галич. В его творчестве воплотились светлые порывы русской классической поэзии, материализовались находки первоклассных мастеров сценического искусства, нашли продолжение великолепные традиции отечественной сатиры...»**

— Что за бред? Галич был и остается обыкновенным блатным антисоветчиком, в свое время получившим в нашей прессе вполне заслуженные резкие оценки. Они печатались в новосибирских газетах. Мне запомнилась статья журналиста Николая Мейсака, в которой он от всей души дал отповедь хулиганским выступлениям этого «барда». Кстати, кто это так прославлял Галича?

— Компания та же... Тарсис.

— Ну, брат, и веселишь же ты меня!!

— За этим и пригласил... А то вернулся бы в Москву необразованным... Но ты не думай, что Тарсис только возвеличивает этого блатного «барда». Он еще и критикует его. Читаю: **«...он так же, как большинство народа, отвернулся от бога и не молит его о милосердии».**

— Ай, ай, как строго!

— Тебе все смешно.

— Представь себе, смешно.

— А хочешь, я тебя еще больше рассмешу?

— Давай, будет что в дороге вспомнить.

— Знаешь, что ответил «бард» в интервью, которое брали у него «специальные корреспонденты» «посева», на вопрос, был ли он в заключении?

— Откуда мне знать?

— Тогда слушай, что ответил «бард»: **«Нет, сам не был. Если мы не примем формулы, что мир дал трещину и трещина прошла через сердце поэта — знаменитую формулу Гейне,— то поэзия вообще не существует».**

— Где Гейне, а где Галич?

— Не перебивай... Это цитаты... **«Мне показалось поэтому бесконечно оскорбительным, что когда меня исключили, Арбузов кричал: «Он же мародер, он присваивает себе чужие биографии!» Им понятна формула «Мне отмщенье и аз воздам», а положить «живот свой за друга своего» — такая формула совершенно непонятна советскому обывателю».** Каково?

— Это что же, Галич решил положить «свой живот»? За какого друга? Ну, брат, лучше всякого мюзик-холла. Молодец Арбузов!

— Конечно, молодец... Эти диссиденты — гигантоманы... Им все хочется видеть массу своих последователей. Впрочем, одного еще могли бы и присоединить... Иосифа Бродского.

— Но он же еще младенец?

— Младенец-то младенец... Однако, как только оказался в Израиле, а затем в США, показал, что у этого младенца прорезались антисоветские, мало того, кощунственные зубки. Как иначе назвать его стишки, которыми он «отозвался» на смерть маршала Жукова? **«Сколько он пролил крови солдатской в землю чужую! Что ж, горевал? Вспомнил ли их, умирающий в штатской кровати? Полный провал. Что он ответит, встретившись в адской области с ними?».**

— Отвратительно. С меня хватит!

— Но напоследок и всерьез посмешить можно...

— Хватит, хватит...

— Чтоб знал уровень этой «литературы». Вот еще один гений, некий Анатолий Величковский. Стихи из книги «С бору по сосенке», вышедшей в Париже:

Как прекрасно в солнечную осень
Пожелтели клены у крыльца.
Я веду среди высоких сосен
Светлого, как солнце, жеребца.

Этого красавца из России
В Польшу амазонка привела.
С жеребцом, приятелем Марии,
У меня сердечные дела.

Я возопил:

— Хватит!

— Ну, это так, для разрядки. Некий Ю. Терапино, разбирающий опусы Величковского, в газетке пишет, что они согреты «нежным лиризмом». Я мог бы тебя просвещать и дальше, но, чувствую, действительно хватит. Что ты думаешь обо всем этом?

— Перед отъездом из Дублина меня увлекли на собачьи бега...

— Это и в Англии имеется.

— Напоминает мне все это собачьи бега...

— Ну, ну... Не преуменьшай.

— Нисколько. Но и преувеличивать не надо. Те собачки с номерами в погоне за механическим зайцем ведь и не знают, что зарабатывают на них, иногда крупно, их хозяева.

— А эти знают?

— Конечно, знают... И они под номерами. Но скачут-то они тоже за механическим зайцем, который, когда придет время, уйдет в сторону, так же как ушел от других участников таких же собачьих бегов, и так же забудут их имена, как тех псов, что за ненадобностью выбрасывают на свалку.

— Только те псы хорошие, но несчастные...

— А эти, что ли, счастливые? Никогда еще предатели не были счастливыми.

— Да, чуть не забыл... Максимов получил премию Аденауэра за 75-й год — за верность традициям европейского гуманизма в русской литературе.

— Сыпь дальше... Теперь уже ничем не удивишь.

СЮЖЕТ С «ТОММИ» И СТИХАМИ ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВОЙ

И все же Лондон был хорош этими, вдруг потеплевшими весенними днями. Всегда бывает радостно по дороге в Москву, где-то во время даже короткой остановки, встретить друзей. Так я встретил здесь поэтессу Ларису Васильеву и ее мужа, заведующего лондонским отделением газеты «Известия», Олега Васильева.

— Хотите, прокатимся по городу, а затем посмотрим премьеру нового английского фильма «Томми»? — предложил мне Васильев.

После обеда вместе с сыном Васильевых Егором мы отправились в поездку по городу. Девять лет я не был в Лондоне. Перерыв сказывался. Многое смотрелось словно заново.

— Как будто этих зданий вокруг собора Святого Павла не было раньше?

— Здесь тоже идет борьба в архитектуре. Горячие дискуссии: строить или не строить? Но пока идет борьба, новые здания строятся.

Мы проехали вдоль набережной Темзы. Она была еще мутной и серой. На Пикадилли и Трафальгарской площади у фонтана, как всегда, было много молодежи. И не только английской. Эмигранты из стран Азии и Африки, обучающиеся в Англии или приехавшие, чтобы найти работу, приходят сюда и часами ведут шумные дискуссии.

Возле одного из магазинов стояла небольшая группа смуглой молодежи с плакатами в руках.

— Это цейлонцы,— сказал Васильев.— Они требуют, чтобы англичане перестали эксплуатировать чайные плантации на Цейлоне и вернули их законным владельцам, народу Шри Ланка...

Как же порой в мире все долго тянется? Лет пятнадцать назад я был на чайных плантациях Цейлона и видел, как подростки, да не подростки, а просто дети, обрывали маленькими пальчиками чайные листы. Сколько лет прошло! Цейлон — Шри Ланка — давно независим, а все еще не могут выбросить колонизаторов цейлонцы, и вот этими детскими руками до сих пор пополняется казна английских мироедов.

Вот, наконец, и заключительный номер лондонской программы, шумно разрекламированный прессой как «фильм года»,— картина «Томми», поставленная по современной поп-опере.

— Хорошего не ждите,— сказал Васильев, когда мы входили в кинотеатр.

В фойе висел рекламный плакат о том, что на днях выйдут пластинки с музыкой фильма. И тут же стоимостью в два фунта продавались белые майки, на груди которых было начертано: «Томми». Купи майку и станешь в ряд бесчисленных Томми, вслепую ищущих дорогу в жизнь.

В фильме было все: и предвоенная безмятежность, и война, и свистящие бомбы, и разбитая войной любовь. И победа над фашизмом, победно взвитые флаги государств, сражавшихся с немецким фашизмом, среди них и наш красный советский флаг; и послевоенная мирная жизнь; и люди, искалеченные физически и нравственно войной; и борьба за очищение людей; и наказание за бесчестность; и сложный путь современной молодежи, воплощенный в образе волосатого юноши, на груди у которого было слово «Томми»; и все аксессуары современного общества, вплоть до рулеток, которые и здесь, в Лондоне, виднеются на всех углах; и рождение нового, все такого же длинноволосого человека, вздымающего руки навстречу восходящему над природой и людьми огромному, ослепительному солнцу. И, конечно же, оглушающая музыка, от которой сидишь обалделый...

Когда в зале зажегся свет и наступила тишина, мы не услышали вокруг себя восторгов. Молча поднимались юноши и девушки с кресел и молча выходили из зала. И только уже на лестнице и в фойе, возле прилавка, где горками лежали майки «Томми», они обретали дар речи. Васильев спросил сына:

— Ну, как, Егор! Это ведь фильм для молодежи?

Егор покачал отрицательно головой.

— Не для меня,— сказал он как-то даже по-взрослому.

Молча мы ехали на квартиру Васильевых. И все же думалось, как действительно трудно в этом сложном, противоречивом мире найти молодежи дорогу в жизнь, когда тебе задурманивают сознание и небылицами, и откровенной ложью, и затемняющей сознание пропагандой насилия над человеческой личностью. Я не мог сказать, что фильм «Томми» плох, есть в нем в конце концов победа добра над злом. Но что это за добро, как оно выглядит, как за него бороться — ответа нет.

Для меня бо́льшим ответом виделся пикет молодежи возле магазина цейлонского чая. Пусть тихий, пусть с плакатами, но пикет, понимающий, где у него друзья и где враги.

...В доме Васильевых мы закончили этот долгий, насыщенный впечатлениями день. Лариса написала новую книгу стихов — «Поляна». Несколько стихов она прочла. Стихи были глубокими, с внутренней полемикой. Я предложил Ларисе опубликовать стихи из книги в «Огоньке». На другое утро, когда Васильевы провожали нас на аэродром, Лариса передала мне стихи. Они были опубликованы в праздничном для журнала, 2500-м номере «Огонька». И тем не менее одно из них, как мне кажется, отвечающее на многое, что возникло в эту памятную поездку в Ирландию и короткую остановку в Лондоне, мне хочется повторить, закончив им эти репортажные записи.

Родная речь — дарованное благо,
сложным-сложна,
а то простым-проста.
Пусть сожжена бесценная бумага,
слова живут, текут из уст в уста.

Родная речь всегда одноплеменна,
напоена богатством от корней,
и этим, говорят, несовершенно
искусство, тесно связанное с ней:

у музыки вселенские просторы,
у живописи мировой язык.
А тут непостижимы разговоры,
к которым с колыбели не привык.

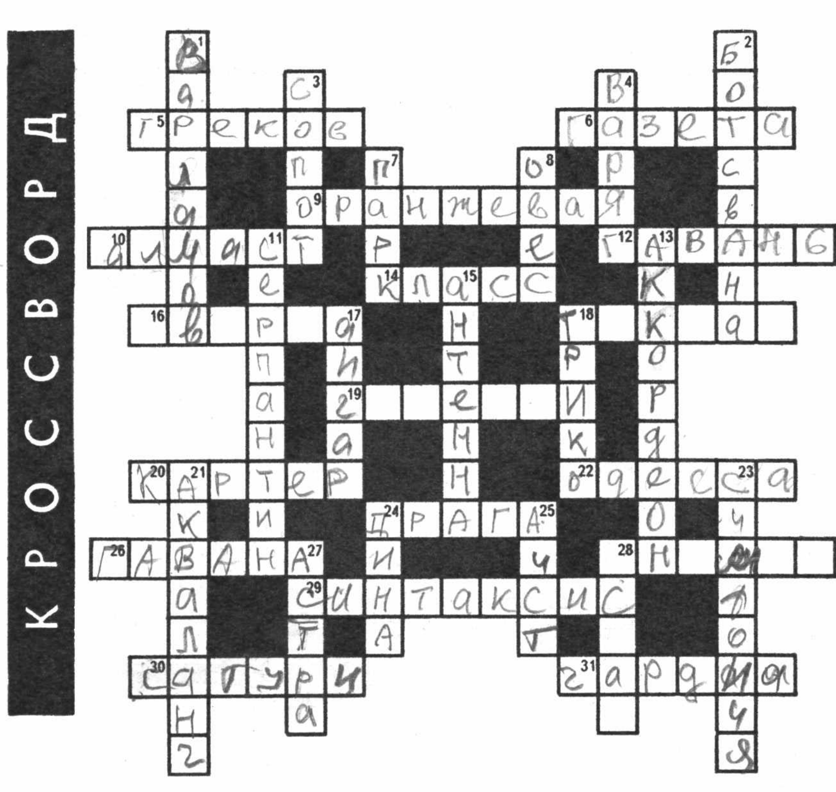
Но если жизнь отнимет слух и зренье,
лишит движений, голоса лишит,
единственное есть тогда спасенье —
то слово, что в душе твоей дрожит.

Пускай его никто и не услышит,
как верный друг, оно всегда с тобой.
Творит тебя, зовет, живет и дышит.
Живет! А значит, ты еще живой.

И этого отнять никто не в силах,
не потому ль так надобно беречь
потоки звучных сочетаний милых,
таинственно сливающихся в речь!

Дублин — Лондон — Москва.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Советский художник-баталист. 6. Периодическое издание. 9. Река в Южной Африке. 10. Опера А. А. Спендиарова. 12. Место стоянки судов. 14. Комната в школе. 16. Литовский писатель. 18. Древнегреческий философ. 19. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка». 20. Коробчатая деталь двигателя внутреннего сгорания. 22. Город-герой. 24. Плавучее землечерпательное сооружение. 26. Столица Кубы. 28. Приток Сырдарьи. 29. Раздел грамматики. 30. Планета. 31. Венгерский народный танец.

По вертикали: 1. Русский композитор. 2. Государство на юге Африки. 3. Приморский курорт в Польше. 4. Героический крейсер. 7. Большой декоративный сад. 8. Яровой злак. 11. Лента из цветной бумаги. 13. Музыкальный инструмент. 15. Часть радиоустановки. 17. Стихотворение А. С. Пушкина. 18. Шерстяная ткань. 21. Аппарат для дыхания под водой. 23. Жанр камерной музыки. 24. Единица силы. 25. Перелетная птица. 27. Цветок. 28. Штат в Индии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 5. Лобачевский. 8. Тримитас. 9. Гипотеза. 11. Селен. 14. Фаянс. 15. Пуансон. 18. «Парус». 19. Мольберт. 20. «Проселок». 21. Нерча. 23. Маятник. 24. Лазер. 28. Гримм. 30. Апельсин. 31. «Накануне». 32. Лаборатория.

По вертикали: 1. Повидло. 2. Баланс. 3. Оссиан. 4. Житомир. 6. Мичман. 7. Верста. 10. Планиметрия. 12. Майонез. 13. Туполев. 15. Сабза. 16. Паром. 17. Нырок. 18. Посол. 22. «Чапаев». 25. Арктур. 26. Кальмар. 27. Сахалин. 28. Гвидон. 29. Мрамор.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сын рыбака. * Река Бенхай. * На рынок. * Они строят новый Винь. * Дорога номер один.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Неразлучные друзья. Фото Дм. Бальтерманца

«Огонек» благодарит Вьетнамский комитет по культурным связям с зарубежными странами, посольство ДРВ в СССР, редакцию журнала «Вьетнам» и всех товарищей, принимавших участие в подготовке этого номера журнала.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

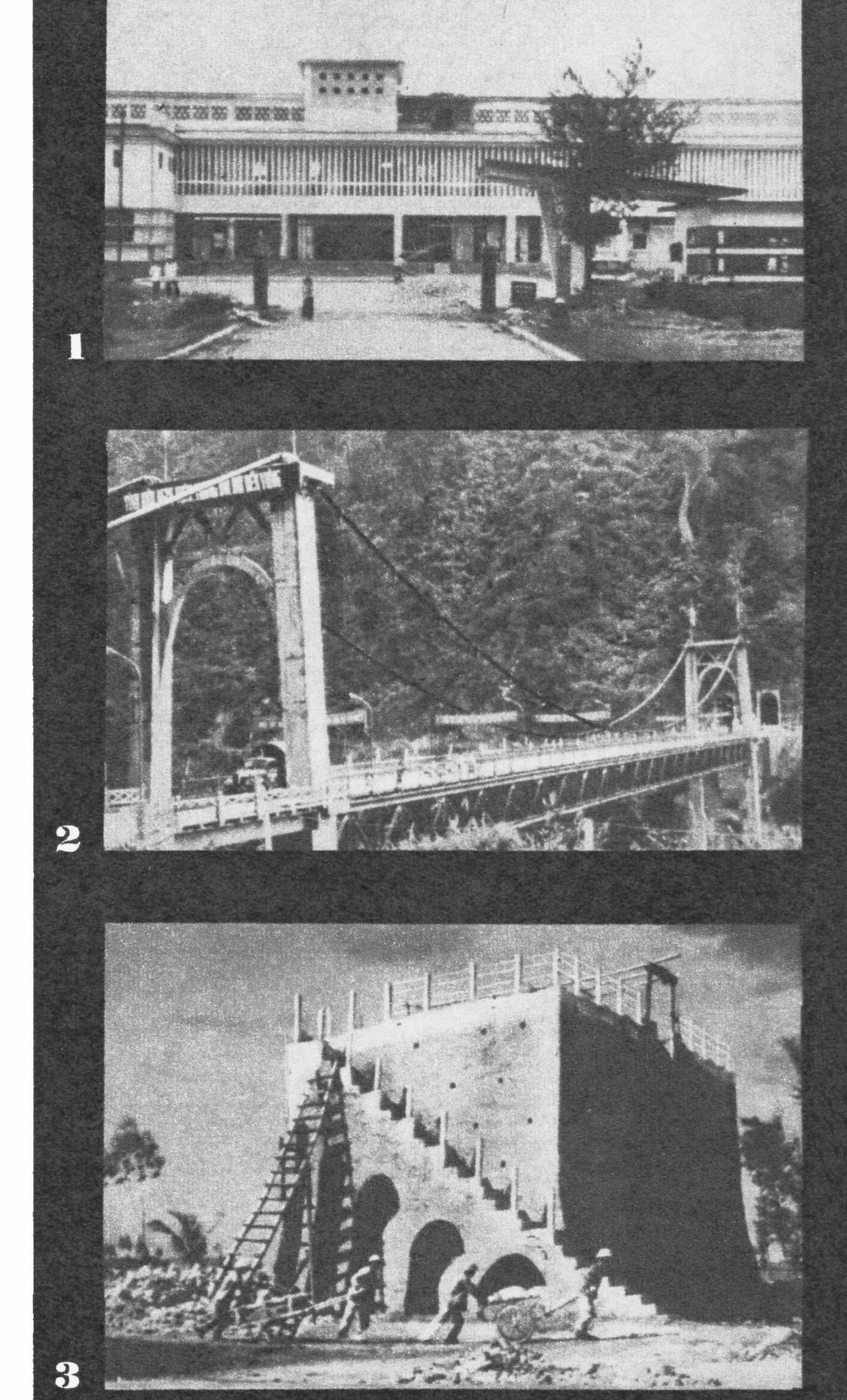
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/VIII—75 г. А 00621. Подп. к печ. 26/VIII—75 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1997. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 982.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

1 2 3

НА МИ

1 НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

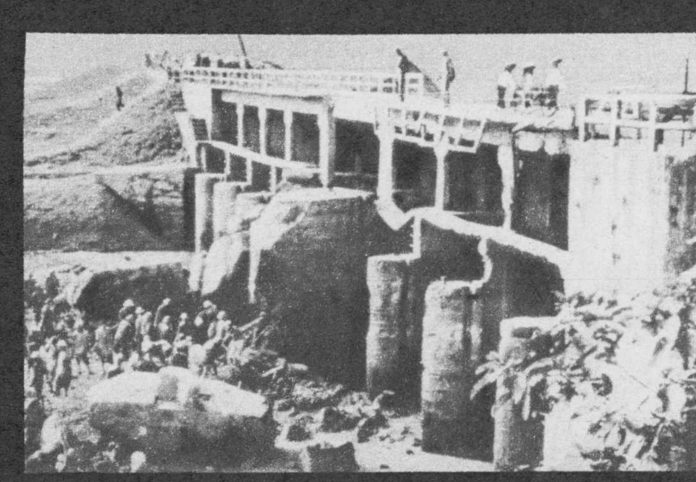
Этот научно-исследовательский центр, сооружаемый с помощью Советского Союза, занимается фундаментальными исследованиями по широкому кругу вопросов.

Институт оснащен современным оборудованием и служит сотрудничеству между вьетнамскими учеными и их зарубежными коллегами.

2 МОСТ В ВОЗДУХЕ

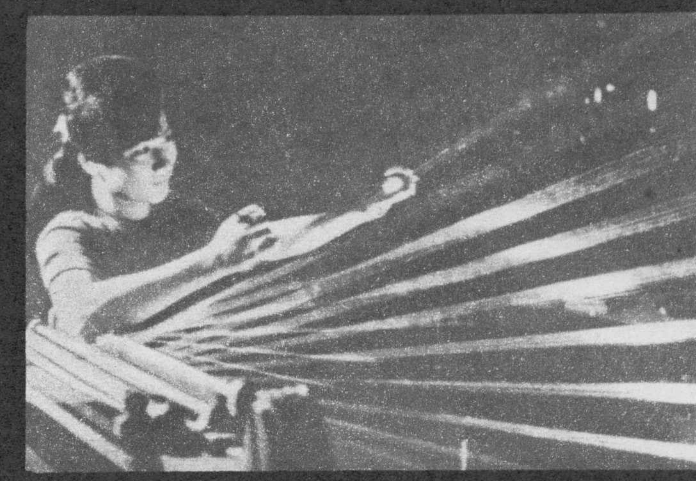
Самый крупный висячий мост в стране переброшен через бурную реку Да. Длина моста 140, ширина—7 метров. По нему могут проходить тяжелые грузовики.

ЖУРНАЛ «ВЬЕТНАМ» В «ОГОНЬКЕ»

5

6

4

РНОЙ ЗЕМЛЕ

3 СЕЛЬСКИМ СТРОЙКАМ

Эта печь дает в сутки семь тонн извести, очень нужной городам и селам,— сейчас везде идет стройка. Кооперативы уезда Кюиньлыу в провинции Нгеан уже пустили в действие несколько таких печей.

4 КРУЖЕВА ИЗ БАМБУКА

В любой вьетнамской деревне есть умельцы, которые делают чудесные вещи из бамбука. Такие тарелки встретишь в каждом доме. Идут они и на экспорт.

5 БУДЕТ ВОДА

Идет ремонт плотины Бентхюи. Как и многие другие, она была разрушена во время бомбежек. Плотина позволит оросить тридцать тысяч гектаров земли в уезде Хынгнгуен провинции Нгеан.

6 ПЕРВОЕ В РЕСПУБЛИКЕ

Первое во Вьетнаме предприятие, выпускающее текстильные изделия из синтетических нитей, носит имя «10 октября»—день освобождения Ханоя.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663